

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. М. Родригес-Фернандес, А. С. Дербенев,
Н. Н. Лисицына, В. А. Никитюк

ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

(Новое время)

Москва
2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

А. М. Родригес-Фернандес, А. С. Дербенев,
Н. Н. Лисицына, В. А. Никитюк

ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

(Новое время)

Учебно-методическое пособие

МПГУ
Москва • 2018

УДК 94(5/6)(075.8)

ББК 63.3(5/6)я73

Р60

Рецензенты:

Л. М. Ляшенко, кандидат исторических наук, доцент, профессор
кафедры истории России Института истории и политики, МПГУ

Е. А. Канаев, доктор исторических наук,
профессор департамента международных отношений
факультета мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ

Родригес-Фернандес, Александр Мануэлевич.

Р60 История стран Азии и Африки (Новое время) : учебно-методическое
пособие / А. М. Родригес-Фернандес, А. С. Дербенев, Н. Н. Лисицына,
В. А. Никитюк. – Москва : МПГУ, 2018. – 96 с.

ISBN 978-5-4263-0600-4

Учебно-методическое пособие по дисциплине «История стран Азии и Африки» предназначается для студентов исторических факультетов. Лекционные материалы могут быть использованы при изучении курса Новой истории. В пособии дается тематика лекционных и семинарских занятий. Пособие построено по проблемно-теоретическому, страноведческому и хронологическому принципам и охватывает комплекс теоретических проблем, рекомендуется студентам бакалавриата по направлениям подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (профиль «Историческое образование»); 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «История и Обществознание», «История и Иностранный язык (английский)», «История и Право»; 46.03.01 История (профиль «Историческая политология»).

УДК 94(5/6)(075.8)

ББК 63.3(5/6)я73

ISBN 978-5-4263-0600-4

© МПГУ, 2018

© Родригес-Фернандес А. М., Дербенев А. С.,
Лисицына Н. Н., Никитюк В. А., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Пояснительная записка	5
ТЕМА 1.	
РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НА ВОСТОКЕ	9
Тема 1.1 (лекция). Человек и общество. Идея общественного прогресса	9
Тема 1.2 (семинар). Идеологии национально-освободительного движения	11
Тема 1.3 (семинар). Проблемы социальной справедливости	13
ТЕМА 2.	
СВЕТСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ РЕФОРМАТОРСТВО	
В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД	19
Тема 2.1 (лекция). Светские реформы и реформаторы	19
Тема 2.2 (семинар). Общественная мысль и перемены в религиозном сознании	22
Тема 2.3 (семинар). Реформаторство в четырех великих религиях Востока	23
ТЕМА 3.	
МОДЕРНИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙЦАМИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ	
ТРАДИЦИОННОГО ИНДУИСТСКОГО ОБЩЕСТВА	
В ЭПОХУ КОЛОНИАЛЬНЫХ ЗАВОЕВАНИЙ	29
Тема 3.1 (лекция). Описание традиционных институтов индуистских сообществ европейцами в эпоху Нового времени	29
Тема 3.2 (семинар). Варны и сегрегационная модель существования этнотерриториальных индуистских сообществ в Новое время	31
Тема 3.3 (семинар). Кастовая организация как общественное разделение труда индуистских социальных коллективов в период британского владычества	33
ТЕМА 4.	
ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ	
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	39
Тема 4.1 (лекция). Официальные доктрины Османской империи: от османизма к пантюркизму (вторая половина XIX – начало XX в.)	39
Тема 4.2 (семинар). Османская Албания как носитель идеи панисламизма на Балканском полуострове (последняя треть XIX в.)	41

Тема 4.3 (семинар). Зарождение, развитие и распространение идей пантюркизма среди тюркских народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в.	44
--	----

ТЕМА 5.

ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА КАК ОСНОВНОЙ ВЕКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в.	49
--	----

Тема 5.1 (лекция). Восточный вопрос как важная составляющая международных отношений в конце XVIII – начале XX в.	49
Тема 5.2 (семинар). Греческое восстание как попытка решения Восточного вопроса объединенной коалиции европейских держав и России	52
Тема 5.3 (семинар). Восточный вопрос во внешней политике европейских стран и России во второй половине XIX в.	53

ТЕМА 6.

«БОЛЬШАЯ ИГРА» В РЕТРОСПЕКТИВЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН И РОССИИ	59
--	----

Тема 6.1 (лекция). Англо-русское противостояние как ключевая проблема международных отношений 1830–1900-х гг.	59
Тема 6.2 (семинар). Общественно-политические деятели Петербурга и Лондона о противостоянии на Среднем Востоке.	60
Тема 6.3 (семинар). «Большая игра» в Афганистане	62

ТЕМА 7.

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КИТАЯ В ПЕРИОД НОВОГО ВРЕМЕНИ	71
--	----

Тема 7.1 (лекция). Конфуцианство как официальная доктрина маньчжурской элиты в период Нового времени	71
Тема 7.2 (семинар). Христианские воззрения в идеологии тайпинов ..	73
Тема 7.3 (семинар). Антихристианская направленность идеологии ихэтуаньского движения	76

ТЕМА 8.

КОЛОНИАЛИЗМ НА АРАВИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И В АРАБСКОЙ АФРИКЕ	83
--	----

Тема 8.1 (лекция). Магриб и Египет во второй половине XIX – начале XX в.	83
Тема 8.2 (семинар). Колонизация Триполитании и Киренаики. Орден сенуситов	90
Тема 8.3 (семинар). Магриб и Египет во второй половине XIX – начале XX в.	93

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Методический материал к занятиям по курсу «История стран Азии и Африки» предназначен для студентов Института истории и политики МПГУ. Материалы могут быть использованы при изучении базового курса новой истории. В пособии дается тематика лекционных, семинарских и практических занятий. Пособие построено по проблемно-теоретическому, страноведческому и хронологическому принципам.

Специфика данного методического учебного пособия заключается в том, что оно, являясь продолжением и дополнением к «Методическим рекомендациям к семинарским занятиям по Новой истории стран Азии и Африки» (М., 2012), посвящено вариативным темам. Предыдущее пособие охватывало в первую очередь материалы по семинарским занятиям, включенным в основной курс истории Востока в Новое время в рамках существующей тогда нагрузки. Возможности расширения курса бакалавриата и появление дисциплин по выбору дают основание разработать актуальные темы занятий в данном пособии.

В частности, проблемы развития общественной мысли. Ведь XX столетие часто называют веком идеологий. А что же такое политическая идеология? Является ли она порождением разрушительных кризисных явлений или, напротив, способствует историческому прогрессу, ускоренному обновлению всех сфер общественной жизни?

Не менее важны проблемы религиозной реформации. Современный мир переживает сейчас «возвращение к религии». Во многих странах религия воскрешается как единственный смысл сохранить свои традиции и культуру в потоке глобализации. Но проблема в том, что большинство старых религиозных догматов и запретов не отвечают потребностям современных обществ. Это вызывает необходимость в реформации и модернизации самих религиозных устоев. Эволюция политических идеологий и процессы религиозной реформации развивались на Востоке начиная с позднего колониального периода и вплоть до наших дней. Этим проблемам посвящены соответствующие темы пособия.

Ярким примером связи религии и общества является социальная структура, существовавшая в Индии. В теме 3 отражены проблемы, с которыми столкнулись индуисты после прихода европейцев, а также

методы, которые использовали европейцы для изменения существующей социальной системы. В глазах представителя западной цивилизации восточное общество всегда представляло диким и варварским. Это была одна из ключевых причин, по которой англичане решили модернизировать существующую систему индийского общества. Не зная традиций и воззрений, особенностей брахманического учения и индуизма, они принялись изучать данный феномен. Однако пристрастное отношение к индуистам как к варварам и невежам искажало их представления. В итоге традиционная индийская социальная система была изменена. Она стала более стройной и удобной в глазах европейцев, но потеряла свою специфику.

Подобная модернизация губительно отразилась на традиционных отношениях, царивших в Индии, хотя и не изменила их коренным образом.

Если в случае Индии модернизация религии происходила извне, то Османская империя, напротив, стремилась с помощью реформ укрепить свое государство.

Идеологические течения, существовавшие в Порте, представляют большой научный интерес. Османизм, панисланизм, пантюркизм – это бесконечная попытка власти остановить крушение своего государства. Османизм – детище турецких либералов, панисланизм – реакционное просултанское течение и пантюркизм – идея, объединяющая не только население тогдашней Турции, но и многие народы за ее пределами.

Неотъемлемой частью истории стран Азии и Африки в Новое время являются проблемы взаимоотношений с европейскими государствами. Сложившиеся в рамках колониальной системы, они одновременно стали ареной конкурентной борьбы между ведущими государствами Европы и Россией. Исходя из степени и продолжительности влияния на международные отношения, историки выделяют несколько проблем: в первую очередь – Восточный вопрос и вторая – так называемая Большая игра.

По-видимому, именно Восточный вопрос стоит рассматривать как краеугольный камень в международных отношениях стран Востока и Запада с последней трети XVIII в. и до начала 1920-х гг. Этот комплекс противоречий вместил огромное количество проблем, ставших определяющими для многих государств – Османской, Российской и Австро-Венгерской империй, Франции, Великобритании, Пруссии, всего конгломерата балканских государств и некоторых восточных стран. В попытке решения Восточного вопроса государства начинали

войны и поднимали восстания, подписывали беспрецедентные мирные договоры и составляли удивительные в своем противоречии военно-политические союзы.

В этом смысле «Большая игра» есть всего лишь противостояние Великобритании и России, однако оно не менее серьезно и всесторонне отражалось как на судьбах некоторых азиатских стран, так и на политике ведущих европейских государств на протяжении всего XIX – начала XX в. (многие историки считают, что «Большая игра» не закончилась 1907 г., а лишь вышла на новый уровень).

На семинарских занятиях учащиеся попробуют разобраться в хитросплетениях интересов и мотивов всех участников Восточного вопроса и «Большой игры». Проанализируют последствия принятых когда-то решений и возможные пути решения схожих проблем в современном мире.

Казалось бы, особняком в этом вопросе стоит Китай. Мы знаем, что это государство отличалось тем, что в нем отсутствовала какая-либо религия. Специфика китайского мировоззрения была таковой, что она сочетала в себе три учения (конфуцианство, буддизм, даосизм), которые нередко противоречили друг другу. Именно поэтому в XIX в. Китай оказался на распутье. С одной стороны, маньчжурским правительством навязывалось конфуцианское учение, с другой – были крепки народные верования, с третьей – образованный класс занимался изучением чань-буддизма. Архаичные традиции каждого из этих течений не удовлетворяли пытливой мысли прогрессивной китайской общественности. Вместе с этим усилилось идеологическое влияние западных держав: с каждым годом в Китай прибывало все больше и больше миссионеров.

Итогом этого стало сначала Тайпинское восстание, провозгласившее своей идеологией христианское учение, а затем восстание ихэтуаней, имевшее четкую антихристианскую направленность.

Также в пособии четко обозначены проблемы, связанные с предпосылками становления Королевства Саудовская Аравия, Королевства Бахрейн и других государств Аравийского полуострова, а также государств Магриба. Основной упор тем не менее сделан на темах, имеющих отношение к колониализму стран Запада в указанных регионах. Изучение этих вопросов помогает понять истоки многих нынешних трудностей в арабских странах, в том числе и проблем, которые явились на свет при участии колониальных стран.

Основным учебником для студентов исторического факультета МПГУ по истории стран Азии и Африки является:

Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX вв.: учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 3 ч. / [А. М. Родригес и др.]; под ред. А. М. Родригеса. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2014 (дополненное и исправленное переиздание).

Настоящий учебник издается в трех частях. В первой части представлена история стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии XVI–XIX вв., во второй части представлена история стран Индии, Афганистана, Средней Азии, Ирана, Кавказа, Османской империи, арабских стран XVI–XIX вв., в третьей части представлена история арабских стран Азии и Африки, а также история Африки.

ТЕМА 1

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НА ВОСТОКЕ

Тема 1.1 (лекция).

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО. ИДЕЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

План

1. О некоторых закономерностях общественной мысли.
2. Эволюция общественной мысли.
3. Восток между традиционализмом и современностью. Культурная специфика и местные особенности.
4. Просветительство на Востоке и его типология.
5. Ранние рационалисты и просветители.
6. Буржуазное просветительство на Востоке.
7. Поздние просветители.
8. Особенности восточного просветительства.

Подчинение жизни «человека общественного» объективным законам физиологии, психологии, экономики и экологии, этнообразованию и социальным отношениям. По-прежнему нерешенность многих проблем эволюции человеческих обществ. Актуальность выявления и уточнения законов и закономерностей, управляющих бесчисленным множеством явлений общественной жизни. Общественная мысль как часть общественного сознания. Ее относительная самостоятельность. Реакция на всякое новое общественное явление лишь на основе уже сложившихся представлений и ценностей прежней шкалы. Восприятие в массах новых научных идей на веру, отождествление национализма с религией, социализма как религиозного предписания. Зависимость динамики общественной мысли от внешних влияний, взаимодействия культур, реализующихся через человеческую личность. История общественной мысли как история конфликтующих интересов, сформулированных в понятиях различных, часто противоречивых, ценностей.

Новые функции восточных обществ в системе мирового капиталистического рынка. Необходимость трансформации их социально-экономических структур и нового мышления. Начало пробуждения

Востока, повсеместного осмысления отношения к Западу и собственного бытия: восприятие Запада как образца развития, но при этом защита собственных непреходящих ценностей. Развертывание культурно-просветительской и реформаторской деятельности, направленной на ликвидацию политической и социально-экономической отсталости. Нарастание остроты противоречий между новыми социальными силами и колониальной администрацией. Постепенная смена (к началу XX в.) фазы национального пробуждения на фазу национального освобождения.

Столкновение традиционной восточно-феодальной культуры с ее универсализмом и спиритуализмом и рационалистической буржуазной культуры. Образование двух основных полюсов в борьбе «старого» и «нового». Один полюс – концепция пути к «царству справедливости и счастья» через возврат к нормативному комплексу (отбрасывающему современную культуру как противоречащую идеалу). Другой полюс – теории и взгляды, опирающиеся на идеализацию западного общества и современные пути развития (появление крайних либерально-буржуазных, модернистских взглядов, отрицающих всякий положительный потенциал в традиционной культуре).

Рационализм как функция «самовыражения общественной мысли», развивающаяся по законам логики и психологии. Истоки колониального рационализма в восточном Средневековье (Рази, Ибн Рушди, аль-Фараби, Ван Янмина, Хуан Цзунси и др.). Буржуазное просветительское движение XIX в. Источники и содержание просветительской мысли, обусловленной развитием научного знания. Светские и религиозные реформаторы и модернизаторы: Лин Цичао в Китае, Фукудзава Юкати в Японии, Л. Г. Десмук в Индии, Мараган в Иране, Намык Кемаль в Турции, Аль-Афгани, М. Абдо, Ф. Антуан в арабских странах. Влияние их деятельности на внутреннее сближение различных групп, формирование общественного мнения и складывание прослойки либеральной интеллигенции на почве общих интересов, культуры и просветительских идей вообще. Качественные отличия позднего просветительства (начала XX в. и периода Первой мировой войны). Патриотизм, приверженность национальным культурным ценностям, традиции во взглядах Ар-Рейхани, Таха Хусейна, Ху Ши, Сунь Ятсена, М. Ганди, Тосана и др. Позднее просветительство как течение реформаторской мысли, перестройки религиозного сознания, национально-освободительных идеологий.

Тема 1.2 (СЕМИНАР).**ИДЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ****План**

1. Национализм и наднациональные идеологии.
2. Национализм и религия.
3. Антииностранный аспект народных движений.

Формирование идеологии национально-освободительного движения как общее явление для политической мысли народов колониальных и зависимых стран. Развитие национализма как главное направление в общественной мысли народов Востока второй половины XIX – начала XX в. Разочаровывающий опыт освободительной борьбы против колонизаторов традиционными методами. Значение поражения народных движений в Китае, Индии, Иране, Ираке в конце XIX – начале XX в. для развития национальной идеи. Многочисленные попытки определения сущности национализма в его идеологической социальной, общественно-политической и культурно-психологической сущности. Нация и национализм как категории индустриальной эпохи (с корнями, уходящими в далекое прошлое). Национализм – идеология, облеченная в форму внеклассовой системы взглядов, отражающих гиперболизацию национальной специфики на лингвоэтнической или территориальной основе, с идеализацией национального своеобразия, культивированием традиций, обычаев, языка, истории, моральных норм, общности интересов и т. п. Национализм угнетенной нации, направленный против чужеземного гнета или угрозы порабощения (реального или надуманного). Сфокусированность всех передовых общественных движений колониального Востока на проблемах национально-освободительного движения. Превращение национализма в господствующую идеологию. Связь национализма с национальным самосознанием как формой группового сознания, фиксирующего действительность или воображаемые черты лингвоэтнической группы, для которой такое единство и общность исторической судьбы и интересов, а иногда также общность вероисповедания выполняют объединительную функцию. Полный приоритет принадлежности к нации над племенной и классовой общностью, семейными узами и личностью.

Определение наднациональных идеологий как условное название течений политической мысли, абсолютизирующих подлинное или иллюзорное единство социальных и политических макрогрупп на общей

территориальной, расовой, этнокультурной, религиозной основе, при том, что системообразующим элементом таких идеологий выступает, как правило, что-нибудь одно. Сущность паназиатизма, панисламизма, паносманизма, пантюркизма и религиозного национализма. Взгляды Мустафы Камиля, Кан Ювэя, Ляо Цичао, Аун Сана, Дж. Неру, Хосе Рисаля, аль-Кавакиби и др.

Религия как орудие политики, нередко определяющая поведенческие нормы верующих, вплоть до колониального периода являвшаяся главной доступной для масс формой осознания ими своего угнетенного и униженного положения. Секуляризм первой волны восточных националистов, попытки провести четкую грань между политикой и религией. Стремление националистов предотвратить религиозно-общинные конфликты в многоконфессиональных странах ради достижения общегосударственных целей. Апелляция либеральных лидеров к традициям нерелигиозного характера, национальной истории, чтобы не задевать чувств верующих. Отношение к религии как к важному источнику культурных и морально-этических ценностей, при стремлении ограничить ее влияние на политику и общественную жизнь. Тесная связь национализма и ислама в арабских странах, наличие там исламизированных форм национализма. Сложная и противоречивая связь национализма и религии, выступающих мощными идейными стимулами социальной и политической жизни. Зависимость в их совместных действиях или противодействия друг другу от местной специфики. Взгляды на эту проблему виднейших восточных националистов и религиозных реформаторов: Зия Гёкальп (Турция), Аун Сан (Бирма), Даянанда, Ахмад-хан (Индия), Аль-Афгани, Мухаммед Абдо (арабские страны), Сукарно (Индонезия), Кан Ювэй (Китай) и др.

Роль идеологий национально-освободительных движений в антииностранных (антиколониальных) народных движениях: Иран (1848–1852), Индия (1857–1859), Китай (1850–1864), крестьянские и городские бунты в Корее (конец XIX в.), восстание в Аче (Индонезия, 1873–1913), Корея (1893–1896), махдистское восстание в Судане (1879–1881), восстание ихэтуаней в Китае (1898–1901), революции периода «Пробуждения Азии» и бунты в период Первой мировой войны. Девизы народных восстаний (например, «Убивай англичан и турок и не плати налоги!» – Судан 1879 г.). Национализм и религия в борьбе за «попранную справедливость» и против иностранцев. Программы и идеологии восставших. Движущие силы революционной борьбы и возникновение радикальных идеологий.

Тема 1.3 (семинар). ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

План

1. Пути достижения национальных целей.
2. Социальные утопии.
3. Распространение и преломление социалистической идеи.

Качественные изменения в антифеодальном и антиколониальном движении к началу XX в. Политические партии вместо просветительских клубов. Возрастание поддержки масс средним слоям городского общества и складывание политических институтов. Широкий спектр по степени радикализации требований, путей и методов достижения целей. Повсеместное выделение двух главных направлений политической мысли: умеренно-либеральное в духе европейского либерализма и радикальное. Расхождение в выборе средств достижения главной цели – независимости. Ориентация умеренных на западное общество, стремление достижения независимости через осторожную модернизацию политической и экономической структур, внедрение конституционно-парламентских норм жизни. Стремление радикалов к немедленному освобождению и национальному суверенитету, признание законным и необходимым применение насилия в борьбе за свободу, вера в народ. Выход в разных странах на авансцену (в зависимости от обстановки) то одного, то другого течения. Переход к началу XX в. лидерства в национальном движении и в разработке его идеологии к средним слоям городского общества как наиболее активной политической силе того времени. Многочисленные примеры прихода к руководству национально-освободительным движением радикальных элементов, оттеснявших на время умеренных националистов. Обстоятельства, определяющие преобладание умеренно-либеральных тенденций: вера восточной интеллигенции в цивилизаторскую миссию Запада на Востоке, вера в могущество разума, способность науки, просвещения, демократических институтов преобразовать мир на основе прогресса, кризис традиционных идеологий, которые уже не в состоянии служить опорой новым формам общественного бытия. Желание либерального Востока «стать Европой», сохранив культурное своеобразие. Реформаторские и революционные взгляды крупных националистов данного периода: Тилак, Наороджи (Индия), Бургиба (Тунис), Аббас (Алжир), Рисаль (Филиппины), аль-Кавакиби (Сирия), ас-Сейид (Египет), Сунь Ятсен (Китай).

Отчаянное положение и гнев голодающих народов Востока, извечно лелеявших мечту о социальной справедливости («Хлеба! Хлеба! Я не верю в Бога, который не может дать мне хлеба здесь на земле...» Вивекананда). Мечта золотого века, заключающая в себе революционный потенциал. Эгалитаризм в духе потребительского коммунизма в земельных программах народных движений XIX – начала XX в. Увязывание народами Востока чаяний о социальной справедливости с успехами национально-освободительного движения. Появление (начало XX в.) в литературе и публицистике темы «страдающего маленького человека» (Таха Хусейн, Кермани и др.). Возникновение противостояния умеренно-либеральных представлений об идеальном общественном устройстве и народнических концепций, в которых элементы демократизма и мелкобуржуазных утопий соединялись с отдельными положениями социалистических теорий. Популизм национальных идеологов под давлением нарастающей активности народных масс. Основные характеристики популистов: внимание к жизни крестьянина, городских низов, идеализация национальной традиции, стремление ликвидации экономической отсталости, резкая критика капитализма, машинного производства («Люди, которые изобрели машины, стали их рабами, утратили моральный облик». М. Ганди). Уравнительная социальная программа М. Ганди, в духе крестьянского уравнительного социализма; некапиталистический путь развития А. Кумарасвами; теория «Великого единения» Кан Ювэя; мусульманские доктрины в «Природе деспотизма» аль-Кавакиби и др. Принятие социалистической окраски распространяющимися на Востоке утопиями об идеальном общественном устройстве.

Незначительное представление о социализме на Востоке до начала XX в. Формирование мнения об учении, провозглашающем имущественное равенство людей, противоречащее религиозным представлением («История социалистических учений» Аль-Мансури, 1902 г., Каир). В то же время понимание социализма (как органической части западной общественной мысли привлекает к нему внимание) передовой восточной интеллигенцией как теории социального прогресса. Надежды на социализм как путь разрешения противоречий между трудом и капиталом через просвещение народа и выполнение религиозных морально-этических норм, на постепенное улучшение условий труда и жизни трудящихся. Восприятие равенства как принципа взаимопомощи (исключающего распределение по труду) и принципа возрастного разделения труда («Молодые строят, люди средних лет – учат, стариков окружают заботой». Иэнага Сабуро). Усиление позиций марксизма в на-

чале XX в. и особенно в годы Первой мировой войны. Индонезийский марксизм («мархаэнизм») Сукарно; влияние Маркса и Ленина на формирование мировоззрения Неру; идеология революционной демократии Сунь Ятсена; вариант идеи «государства благоденствия» М. Хатта; пропаганда марксизма Хаярдалом; варианты арабо-мусульманского социализма ар-Рейхани. Преобладание во взглядах социальных реформаторов радикального направления тех положений социалистических учений, которые согласовывались с традиционными взглядами на идеальное общество или могли быть истолкованы в традиционном духе.

Источники и литература

1. История религии: Учебник для вузов / Под ред. проф. И. Н. Яблокова. Т. 1, 2. М.: Высшая школа, 2004.
2. Новая история стран Азии и Африки XVI–XIX веков: Учебник для вузов / Под ред. А. М. Родригеса. Ч. 1, 2, 3. М.: ВЛАДОС, 2004.
3. *Родригес А. М.* История стран Азии и Африки в Новейшее время (XX в.): Учебник для вузов. М.: Проспект, 2008.
4. *Родригес А. М.* Общественная мысль на Востоке в XIX–XX вв.: синтез традиционного и современного. М., 2011.
5. *Родригес А. М.* Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2012.
6. *Алаев Л. Б.* Типы общественных отношений на Востоке. М., 1982.
7. *Андреев И. В.* Клерикализм и проблема современного национально-освободительного движения. М., 1976.
8. *Борох Л. Н.* Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М., 1984.
9. *Всеволодов И. В.* Бирма: религия и политика. М., 1978.
10. *Ганди М.* Моя жизнь. М., 1969.
11. *Гасанова Ю. А.* Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок. Баку, 1966.
12. *Гусева Н. Р.* Индуизм. История формирования и культовая практика. М., 1967.
13. *Жаров В. А.* Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1989.
14. Зарождение идеологии социально-освободительного движения (XIX – начало XX в.). М., 1973.
15. Идеологические течения в современной Индии. М., 1965.
16. Идеология национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока. 1917–1947. М., 1984.
17. Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982.
18. *Каддафи Муаммар.* Зеленая книга. М., 1989.
19. *Клеер Е.* Анализ общественно-политических структур стран «третьего мира». М., 1968.

20. Левтонова Ю. А. История общественной мысли на Филиппинах. М., 1973.
21. Мараган Зейн ал-Абадин. Дневник путешествия Ибрахи-бека, или его злоключения по причине фанатической его любви к родине / Пер. с перс. М.; Л., 1963.
22. Неру Дж. Автобиография. М., 1955.
23. Общественная мысль развивающихся стран. М., 1988.
24. Общественно-политическая мысль в Китае. М., 1988.
25. Поспелов Б. В. Идеологические течения современной Японии. М., 1991.
26. Религия и секуляризм на Востоке. М., 1993.
27. Султангалиева А. К. Панисламизм в арабском мире. Алма-Ата, 1991.

ДОКЛАДЫ, РЕФЕРАТЫ, ЭССЕ

- Восточные общества в орбите мирового капиталистического хозяйства: феномен колониализма.
- Развитие общественной мысли как отражение формирования противоречивых ценностных структур.
- Национальное просвещение и национальное освобождение периода «пробуждения Азии».
- Деятельность первых восточных просветителей в Индии, Китае, Иране и арабских странах (XIX в.).
- Кризис творческой интеллигенции в условиях смены задач национально-освободительных революций.
- Столкновение радикальной и либеральной идеологий в восточной общественной мысли позднего колониального периода.
- Миссионерская деятельность на Востоке: протестантские и католические «общества наук и искусств».
- Движение за «новую культуру» в Китае после Синьхайской революции.
- Отличия в формах и методах деятельности позднеколониального и постколониального просветительства.
- Восток и Запад от Средневековья к Новому времени: основная тенденция развития.
- Связь и преемственность западных и восточных идеологических концепций во второй половине XX в.
- «Культуртрегерство» Запада на Востоке: иллюзии и аллюзии восточной интеллигенции.
- «Переходное» состояние модернизации идеологий сегодняшнего дня: конфликт и расхождение идеалов социальных групп.

- Политическая и просветительская деятельность Сунь Ятсена в Китае.
- Буржуазная трансформация восточного общества: эволюция социальной структуры.
- Религиозно-просветительская деятельность общества «Арья Самадж» в Индии.
- Деятельность Амина ар-Рейхани и его идеи о «Великом городе знаний, свободы и братства».
- Восточное просветительство как общественное явление и его роль в развитии политической идеологии.
- Идеология национализма на Востоке: синтез национальных интересов и европейских теорий.
- Рост национального самосознания в ходе Второй мировой войны.
- Наднациональные идеологии: общее и особенное.
- Панисламизм в колониальный и современный периоды: разница в политических и идеологических установках.
- Частные отличия и общие особенности в идеологиях османизма, пантюркизма и панарабизма.
- Идея сплочения на общих политических позициях и практика раскола арабского мира: «арабская нация» – реалья или фикция?
- Особенности политической идеологии Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: паназиатизм.
- Лозунг «Азия для Азиатов» в контексте современных взаимоотношений восточных и западных обществ.
- Идеи формирования новой цивилизации на базе конфуцианства, даосизма и буддизма.
- Модернизация идеологии и социальная эволюция: интеллигенция как генератор новых идей.
- Национальная идеология как катализатор шовинизма и расизма в многоэтнических и многонациональных восточных государствах.
- Причины популярности среди широких народных масс политических идеологий национализма.
- Необходимость возникновения наднациональных идеологий в восточных обществах.
- Связь современного панисламизма с мусульманской религиозной реформацией: деятельность и творчество аль-Афгани.
- Попытки создания панисламистских конституций, государств и суперэтносов: проблема Иерусалима.
- Основатели и теоретики пантюркизма: деятельность Зия Гёкалпа, Исмаила Гаспринского и Мустафы Кемаля (Ататюрка).

- Современные тенденции развития кемализма, лацеизма и этатизма в тюркских государствах (Турция, Казахстан, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан).
- Идеология панарабизма в политической деятельности и лозунгах Хабиба Бургибы, Муаммара Каддафи и Саддама Хусейна.
- Национальная идея и государственная идеология: взаимосвязь и взаимозависимость понятий.
- Идеологии национального прагматизма в различных обществах и регионах Востока: общие тенденции и черты отличия.
- Идеология Индийского национального конгресса: прошлое и настоящее.
- Официальная идеология и потребности общества как компромисс политической борьбы и социальной стабильности.
- «Феномен» Японии и идеология «общества благоденствия восточного типа» (последняя четверть XX в.).
- Проблема «гражданского общества» на Востоке: авторитаризм против либерализма.
- Трактовки образов и понятий демократии и социальной гармонии в мелкобуржуазной восточной идеологии.
- Концепция прямого народовластия в «третьей мировой теории» ливийского лидера Муаммара Каддафи.
- Проблемы поиска социальной справедливости в рамках радикальных и буржуазно-либеральных моделей развития.
- Концепции буржуазного развития на Востоке в форме западного раннего либерализма.
- «Неоконсервативная доктрина» Иосиды в послевоенной Японии: суть консерватизма, эволюционные изменения традиций, свободная экономика с системой частной собственности и т. п.
- Исламизированный либерализм на мусульманском Востоке: проблема политического плюрализма и коранических традиций.
- Концепции «национального социализма» в качестве альтернативы марксизму.
- Теоретический опыт марксистской идеологии: приемлемые и неприемлемые черты марксизма для восточных традиций.
- Концепции «особого пути» как попытки альтернатив социализму и капитализму.
- Теория «третьего пути» сквозь призму взглядов «модернизаторов» и «охранителей».

ТЕМА 2

СВЕТСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ РЕФОРМАТОРСТВО В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

ТЕМА 2.1 (ЛЕКЦИЯ).

СВЕТСКИЕ РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ

План

1. Два типа реформ.
2. Проблема власти.
3. Программы развития.
4. Женский вопрос.

Проявление воздействия Запада на восточные общества (конец XVIII–XIX в.) в форсированном развитии в них прежде всего тех структур и связей, которые обслуживали его потребности. Возникновение как охранительных, так и радикальных тенденций под влиянием индустриальной Европы. Подготовка почвы для реорганизации государственно-административного механизма, модернизации экономики, социальных структур, не эффективных в новых условиях. Появление реформаторских идей о перестройке общества без разрушения его базиса. Характерные для зависимых восточных монархий XIX в. реформы двух основных типов: 1) охранительных, в том числе «охранительной модернизации»; 2) реформы модернизации развития.

Направленность охранительные реформ на сохранение и укрепление устоев традиционного общества; реформы турецкого султана Селима III (1789–1808) и Таги-хана (1795–1802), марокканского короля Мулай Хасана (1806–1859), корейского ученого Чон Дасана (1762–1836), японского математика Хондо Тосиаки (1744–1821), ученого агронома Сато Нобухиро (1769–1850), китайцев Гун Цзычжэня (1792–1841), Вэй Юаня, Линь Цзесюя (1784–1850). Реформы модернизаторского типа, направленные на превращение своих стран в сильные централизованные государства, но при этом также не покушающиеся на основы существующих порядков. Интерес модернизаторов к европейским знаниям и опыту, отказ от некоторых восточных обычаев

и норм при убеждении превосходства Востока над Западом. Проекты реформ в Китае в меморандумах Чжан Джэдуна и Фэй Гуйфэня, реформы паши Мухаммеда Али в Египте, султана Махмуда II и период танзимата (начало и середина XIX в.), деятельность в Иране общественного деятеля Мальком-хана и премьер-министра Мирзы Хусейн-хана (1870–1880), либеральные реформы первого министра тунисского бея Хайраддина ат-Туниси (1873–1878). Незавершенность, а часто и неудачи реформ из-за сопротивления традиционалистов и, особенно, из-за сопротивления колониальной администрации в колониях, использование неравноправных договоров и капитуляций в полуколониях, навязанные метрополиями войны и интервенции.

Направление реформаторской активности на улучшение государственно-административного управления. Власть, внушающая людям страх, но верховная власть – объект обожествления, с которой люди связывают идеи порядка и справедливости. Периоды, когда иссякает терпение народа, и тогда действия верховной власти объявляются противоречащими народным чаяниям. Обращение к тем сакральным текстам, которые могут толковаться в смысле возможности смещения дурного правителя. Реформаторские призывы Омара Макрама в Египте и Вэй Юаня в Китае (начало XIX в.). Первые попытки ограничения абсолютной власти. Реформаторы конца XIX в.: Юсеф-хан в Иране, Намык Кемаль и Мидхат-паша в Турции, аль-Кавакиби в арабском мире, Хайраддин ат-Туниси в Тунисе, египетский радикал Абдалла Надим, Фукудзава Юкити и Уэки Эмфи в Японии, лидер нового крыла реформаторского движения в Китае Тань Сытун и др. Борьба конституционная и антиколониальная. Лозунг «Азия для азиатов», панasiatизм К. Ч. Сена, панисламизм в мусульманском мире, пантюркизм и паносманизм в Османской империи.

Политические проблемы в фокусе реформаторской мысли. Складывание осознания двух взаимосвязанных фактов – экономической эксплуатации стран Востока европейскими державами и необходимости всестороннего экономического развития на основе современных техники и технологии. Необходимость индустриализации Индии в трудах экономиста М. Г. Ранаде (1880–1990-е гг.). Антиколониальные взгляды Рабиндраната Тагора. Утопическая программа развития Индии, минувшая капитализм, М. Ганди (начало XX в.). Программы развития при поддержке буржуазно-помещичьих кругов, средних слоев городского общества и формирующейся с последней трети XIX в. национальной

буржуазии. Программы Гоминьдана в Китае. Три народных принципа Сунь Ятсена. Взгляды на Запад и Китай Чан Кайши. Противостояние политических сил преимущественно в пределах борьбы за достижение национального суверенитета.

Женский вопрос среди проблем, волновавших просветителей и реформаторов. Неизбежные для конца Нового времени, отмеченного развитием собственных капиталистических отношений и процессом классообразования, мечты о новом обществе и новом человеке, а в начале жизненного пути нового человека – о великой роли матери. Принцип свободы личности и требования изменения привычных взглядов на место женщины в семье и обществе. Сила традиции, по которой женщина на Востоке считалась существом неизмеримо ниже мужчины в социальном отношении и абсолютно от него зависимым. Японская формула: «Уважение к мужчине, презрение к женщине». Даже для мусульманского реформатора и просветителя аль-Афгани: «...мужчина и женщина созданы разными при сотворении мира, а посему всякий, кто добивается равенства между ними, идет против божьей воли». Борьба с такой традицией во взглядах отдельных философов и мыслителей в каждой стране и во все времена. Андо Сёэки, Япония (1700–1760): «...в отношениях между женщиной и мужчиной нет высшего, нет низшего. Каждый из них человек». Роман китайского писателя Ли Жучженю (1763–1830) «Цветы в зеркале», в котором оказались перевернутыми социальные роли, и женщина котируется выше мужчины. Протесты против угнетенного положения женщин и обычая сати (самосожжение вдов) в деятельности первого великого индийского просветителя Рам Мохана Роя и его последователей. Отец ливанского культурного подъема Бутрус аль-Бустани и его доклад в Бейруте «О пользе женского образования» (1849). Всплеск интереса к женскому вопросу в конце XIX – начале XX в. «Эмансипация витает в воздухе, – писала Кардини, – она предопределена». Проблемы равенства и женской эмансипации в трудах Фукудзава Юкити (Япония), Кан Ювэя (Китай), Вивекананда (Индия). Начало медленного, продолжающегося по сей день процесса превращения женского вопроса из литературно-публицистической проблемы в сферу общественного производства и ее выход за пределы домашнего круга. Трудности решения женского вопроса в мусульманском мире, особенно там, где силен ислаимзм (политический ислам).

Тема 2.2 (СЕМИНАР).

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И ПЕРЕМЕНЫ В РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ

План

1. Модернизация и секуляризация.
2. Реформаторство как реакция на подрыв жизненных устоев восточного общества.
3. Деятельность религиозных реформаторов и модернизаторов.
4. Создание новых универсальных общечеловеческих религий. Бехаизм. Сикхизм.

Обязательное сопутствие модернизации восточных обществ конфликтом между традиционным мировоззрением, стержень которого составляют религиозные представления, и современным образом мысли. Изменения, отношения людей к проблемам бытия, нормам их поведения под влиянием интернализации потребностей и потребления, демократизации образования, совершенствования средств массовой информации. Ускорение процесса секуляризации, освобождение человека и общества от деспотизма духовенства и религиозных институтов и установлений. Сдвиг влияния религии из сферы общественной жизни в сферу личностного сознания и чувства. Тенденции отделения политики от религии, религии от государства. Протест против вмешательства духовенства в общественную жизнь. Утверждение равенства всех религий и религиозно-философских учений. Секуляризм как основа всех национальных европеизированных теорий. Сохранение власти религии над умами людей, проявление высокой степени пластичности. Приспособление к новым условиям через наведение моста между традицией и современностью. «...Переосмысление религии в современных терминах» (слова индийского мусульманского реформатора и литератора М. Икбала (1873–1938), писавшего на урду).

Реформаторство конца Нового времени как реакция на подрыв жизненных устоев восточного общества. Расшатывание основы традиционного мировоззрения процессом капиталистической модернизации. Подрыв господства догм и религиозной схоластики при осознании мощи научного познания. Утрата традиционными нормами отношений между людьми роли и силы универсального и абсолютного регулятора. Необходимость современных форм регулирования общественных отношений при появлении современного экономического сектора и современных социальных групп. Историческая неизбежность рели-

гиозного реформаторства как инструмента «заземления», «обмирщения» религии, переориентации религиозного сознания на посюсторонние нужды людей. Смещение акцентов с вопросов религиозной веры на освещенные верой морально-этические принципы. Отличие реформаторства от пуританских движений Средневековья, не направленных на разрушение традиционного общества.

Посыл деятельности и логики реформаторов: Восток отстал, потому что вера утратила изначальную чистоту и предписанный ею морально-этический комплекс подвергся разложению. Вывод о необходимости очищения веры и возврата к социальному идеалу, соответствующему установлению религиозной доктрины, который реформаторы толковали как несовместимый с социальным и политическим деспотизмом – главным препятствием прогресса. Необходимость овладения плодами западной цивилизации, чтобы догнать Европу и США и освободиться от колониального гнета. Стремление реформаторов привести традиционные мировоззренческие системы в соответствие с требованиями эпохи. Пересмотр некоторых традиционных методов познания истины и интерпретации религиозных предписаний социального поведения. Два типа реформаторства – охранительный и модернизаторский.

Создание новых универсальных общечеловеческих религий как одно из направлений перестройки религиозного сознания. Сикхизм в Индии, создание сикхского государства в Панджабе. Бехаизм как космополитическая религия, начавшая свой путь в Иране в середине XIX в. Синкретический характер обеих религий. Призывы к созданию общемирового государства, с единой администрацией, единым мировым языком, к общечеловеческому гражданству.

ТЕМА 2.3 (СЕМИНАР).

РЕФОРМАТОРСТВО В ЧЕТЫРЕХ ВЕЛИКИХ РЕЛИГИЯХ ВОСТОКА

План

1. Мусульманское реформаторство.
2. Реформаторство в индуизме.
3. Буддийское реформаторство.
4. Реформаторство в конфуцианстве.

Особая активность мусульманских реформаторов из-за неразрывного единства в исламе мирского и сакрального и влияния мировоззренческих основ на жизнь мусульманской общины. Первые

мусульманские реформаторы Джемальаддин аль-Афгани и Мухаммед Абдо в Египте, а также Сеид Ахмед-хан в Индии (их деятельность в основном происходила в последней трети XIX в.). Задача пересмотра некоторых традиционных методов познания истины и толкования исламских установлений, относящихся к регулированию общественных отношений для укрепления позиций ислама в секуляризованном мире. Необходимость (Аль-Афгани в «Отповеди материалистам») реформировать ислам так, чтобы он отвечал требованиям современной цивилизации (например, обойти запрет на взимание процента, без которого невозможна банковская деятельность, или разрешение фотографии с запрещенным изображением человека, о которой «...Мухаммед ничего не провозглашал в Коране»). Необходимость саморазвития ислама, освобождения человека от суеверий и слепой веры, ставка на разум и науку. Взгляды Мухаммеда Рашида Риды и Мустафы аль-Мараги. Опора современных религиозных модернизаторов на принципы, разработанные их знаменитыми предшественниками.

Появление в Индии реформаторского течения индуизма в середине XIX в. Рационалистическое отношение реформаторов к древним священным текстам, что открывало путь к освобождению разума от пут средневековья. Взгляды Кешаб Чандра Сена о множестве источников истины («Если рациональное исследование разрушает истоки религии, то стало быть это не религия вовсе, а суеверие. Пусть лучше человечество станет атеистическим вовсе, нежели будет слепо верить»). Деятельность Рам Мохана Роя, сарасвати Даянанды. «Тайная Бхагаватгита» Б. Тилака. Стремление индуистских реформаторов к «удешевлению» религии, ликвидации роли браминов, как посредников между людьми и богом. Пересмотр политической доктрины индуизма в духе монотеистического универсализма.

Три этапа и три лидера индуистского реформаторства Нового времени (середина XIX в. – Р. Рой, последняя треть XIX в. – Сваши Вивекананда). Создание религиозно-реформаторских обществ «Брахма самадж», «Миссия Рамакришны» и др. Неоиндуизм как философия национально-освободительного движения и в то же время взаимодействия Индии с Западом («Индийская культура поможет Западу обрести духовность»).

Общая направленность реформации буддизма во всех его направлениях – хинаяна, махаяна, тантрический буддизм Центральной Азии (вторая половина XIX в.). Исходное представление реформаторов о буддизме как об универсальном учении, содержащем ответы на все

вопросы настоящего и будущего, предворяющем все достижения современной науки, являющемся воплощением сущности всех возможных философских систем. Представление реформаторов о совершенной личности не как ищущей нирваны, а как о стремящейся к общественному прогрессу. Акцент на социальной роли буддизма. Непротиворечивость соединения религиозной веры и научного сознания. Король Сиама Монгкут (1851–1868): «...ранний буддизм содержал рациональные элементы, открывающие путь к познанию объективного мира в борьбе с суевериями». Взгляды и деятельность Ангарики Дхармапалы (1864–1933), выступавшего за буддизм, очищенный от множества богов и демонов. Упрощение ритуала, упразднение роли жрецов и монахов, поклонение Будде «у домашнего очага». Радикальная интерпретация древних текстов. Возникновение «буддийского социализма». Модернизация дзэн-буддизма в Японии и вон-буддизма в Корее.

Замедленный прогресс в замкнутой, цикличной системе конфуцианской доктрины XIX в. Неготовность восприятия идеи общественного прогресса по европейскому образцу. Толкование конфуцианства в Японии (конец XIX в.), где Ли («истина», «разум») толкуется как универсальность, а знания следует черпать из любого источника (а стало быть, и на Западе). Китайский реформатор Кан Ювэй и его критическое отношение к древним учениям и канонам («Исследование о поддельных классических канонах Синьской школы»). Конфуцианство как фундамент для формирования новой идейной платформы в Китае после падения монархии (1912 г.) – во взглядах Сунь Ятсена, Дай Дзи-тао, Хэ Линя. Идеал реформированного конфуцианства как «гуманное правление» и «Великое единение».

Источники и литература

1. История религии: Учебник для вузов / Под ред. проф. И. Н. Яблокова. Т. 1, 2. М.: Высшая школа, 2004.
2. Новая история стран Азии и Африки XVI–XIX веков: Учебник для вузов / Под ред. А. М. Родригеса. Ч. 1, 2, 3. М.: ВЛАДОС, 2004.
3. Родригес А. М. История стран Азии и Африки в Новейшее время (XX в.): Учебник для вузов. М.: Проспект, 2008.
4. Родригес А. М. Общественная мысль на Востоке в XIX–XX вв.: синтез традиционного и современного. М., 2011.
5. Родригес А. М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2012.
6. Алаев Л. Б. Типы общественных отношений на Востоке. М., 1982.

7. Андреев И. В. Клерикализм и проблема современного национально-освободительного движения. М., 1976.
8. Борох Л. Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М., 1984.
9. Всеволодов И. В. Бирма: религия и политика. М., 1978.
10. Ганди М. Моя жизнь. М., 1969.
11. Гасанова Ю. А. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок. Баку, 1966.
12. Гусева Н. Р. Индуизм. История формирования и культовая практика. М., 1967.
13. Жаров В. А. Официальные идеологические доктрины Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1989.
14. Зарождение идеологии социально-освободительного движения (XIX – начало XX в.). М., 1973.
15. Идеологические течения в современной Индии. М., 1965.
16. Идеология национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока. 1917–1947. М., 1984.
17. Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1982.
18. Каддафи Муаммар. Зеленая книга. М., 1989.
19. Клеер Е. Анализ общественно-политических структур стран «третьего мира». М., 1968.
20. Левтонова Ю. А. История общественной мысли на Филиппинах. М., 1973.
21. Марган Зейн ал-Абадин. Дневник путешествия Ибрахи-бека, или его злоключения по причине фанатической его любви к родине / Пер. с перс. М.; Л., 1963.
22. Неру Дж. Автобиография. М., 1955.
23. Общественная мысль развивающихся стран. М., 1988.
24. Общественно-политическая мысль в Китае. М., 1988.
25. Поспелов Б. В. Идеологические течения современной Японии. М., 1991.
26. Религия и секуляризм на Востоке. М., 1993.
27. Султангалиева А. К. Панисламизм в арабском мире. Алма-Ата, 1991.

ДОКЛАДЫ, РЕФЕРАТЫ, ЭССЕ

- Истоки индуизма: брахманизм, пантеон богов и демонов, священные тексты, причины трансформации.
- Возникновение и сущность учения раннего буддизма.
- Своеобразие буддийского учения о рае и аде: богослужение и изобразительное искусство.
- Учение Конфуция: ритуал, обряды, церемонии, формирование культа.
- Характеристика раннего периода ислама, священные книги, догматика, основные заповеди.
- Халифат и превращение ислама в третью мировую религию.
- Раннебуржуазное религиозное реформаторство.

- Религиозное движение на стадии феодализма.
- Новые социальные и психологические стереотипы в начале реформаторства.
- Характер изменений в религиозном сознании.
- Процессы секуляризации: сущность и значение.
- Отличие реформаторства от средневековых пуританских движений.
- Личность и деятельность Аль-Афгани.
- Личность и деятельность Мухаммеда Абдо.
- Общая характеристика космополитических религиозных доктрин.
- Восточное реформаторство и христианский колониализм.
- Идеино-теоретические основы реформаторства.
- Идеино-теоретические основы модернизации постколониального периода.
- Фундаментализм против фундаментализма: модернизаторские и охранительные учения.
- Реформаторство в России (джадидизм).
- Специфика реформаторства в индуизме.
- Деятельность и учение Рам Мохана Роя.
- Деятельность и учение Даянанды.
- Деятельность и учение Мохандаса Ганди. «Гандизм».
- Характер эволюции реформаторской мысли в индуизме.
- «Неоведантизм» в религиозных исканиях индийских реформаторов.
- Буддизм на грани Нового и Новейшего времени.
- Реформация и модернизация буддизма в Новое и Новейшее время.
- Деятельность Ангарики Дхармапалы.
- Буддизм в обществах Дальнего Востока (дзэн-буддизм и вон-буддизм).
- Особенности модернизации христианства.
- Конфуцианская конструкция государства и власти.
- Взгляды и деятельность Сунь Ятсена.
- Просветительская миссия Кан Ювэя.
- Пропаганда «возрождения конфуцианства» в творчестве Хэ Линя.
- Влияние конфуцианской модернизации на модель китайского коммунизма.
- Карго-культы в Океании.
- Многоукладность экономики и внутреннее разнообразие религиозной модернизации на современном этапе.
- Новые условия развития религиозного мировоззрения.
- Анализ современной социальной роли религии.
- Секуляризация в современных восточных обществах.

- Распространение научных знаний и попытки синтеза религии с наукой.
- Религиозная модернизация: связь прошлого и современного.
- Характер социальных и политических изменений в странах Азии и Африки в конце XIX в.
- Особенности развития реформаторства в конце XIX – начале XX в.
- Известные и общепризнанные лидеры религиозной реформации.
- Сравнительные характеристики религиозной реформации на Западе и Востоке.
- Особенности терминологии «реформаторство» и «модернизация»: примеры того и другого.
- Возникновение реформаторских религий: «бехаизм» и «сикхизм».
- Характеристика мусульманского реформаторства.
- Периодизация и лидеры реформации индуизма в Новое время.
- Буддийские общества в XIX – начале XX в.; характер модернизации.
- Состояние конфуцианства в Китае и Японии. Особенности конфуцианского просветительства.

ТЕМА 3

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙЦАМИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ТРАДИЦИОННОГО ИНДУИСТСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ КОЛОНИАЛЬНЫХ ЗАВОЕВАНИЙ

ТЕМА 3.1 (лекция).

ОПИСАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ИНСТИТУТОВ ИНДУИСТСКИХ СООБЩЕСТВ ЕВРОПЕЙЦАМИ В ЭПОХУ НОВОГО ВРЕМЕНИ

План

1. Представления португальских естествоиспытателей и миссионеров о социальной системе в Индии в XVI в. Введение термина «каста».
2. Вклад французских санскритологов в изучение индуистского общества (конец XVIII – XIX в.).
3. Научная теория касты в английских исследованиях в конце XIX и начале XX в.

Тема, касающаяся индийского общества, его идеологических и религиозных основ и представлений о них европейцев, является одной из ключевых для истории Индии Нового времени. Колонизаторы, среди которых были португальцы, французы и англичане, стремились не только понять и описать существующую социальную структуру Индии, но и преобразовать ее с целью получения для себя еще большей экономической выгоды.

В XVI в. португальский мореплаватель Дуарте Барбоза описал социальные организации Индии как подразделения, каждое из которых живет по своему собственному «закону язычников». Он же впервые ввел термин «каста» (от порт. *casta* – «род, порода, вид», от лат. *castus* – «чистый»), который употреблял в значении «человек из хорошей семьи».

Более полно это наименование пытался раскрыть португальский путешественник и врач Гарсиа де Орта, который прожил со своей семьей в Индии несколько десятилетий. Он понимал «касту» как принадлежность людей к какой-либо профессиональной общине, причем

владение любым из ремесел передавалось по наследству. В целом португальский термин и его расшифровка соответствовали индийским представлениям о профессиональных организациях. Дальнейшее изучение кастового строя было связано с французскими и английскими исследованиями социальной структуры Индии.

Французская традиция также взяла свое начало с наблюдений путешественников, миссионеров, государственных деятелей и естествоиспытателей (А. Г. Анкегиль-Дюперрон, Э. Бюрнуф, Ж. А. Дюбуа, А.-Л. Шези и др.). Однако наиболее значительный вклад внесли санскритологи XIX в.

Эмиль Сенар, автор работы «Касты в Индии» (1896 г.), считал касту корпоративной группой, в которой наследуется профессиональный статус. Присущую кастам закрытость он объяснял влиянием идей ариев о чистоте происхождения и чистоте профессионального занятия. Также следует отметить следующих французских исследователей XIX–XX вв.: С. Бугле, Луи Этьен, Жозеф Мари де Ла Валле-Пуссен, Л. Дюмон, Р. Груссе, П. Реньо и др.

Основоположниками научной теории касты также были представители британской колониальной администрации в Индии (XIX – начало XX в). Рост интереса к социальной организации был связан с тем, что в первой половине XIX в. провалились сельскохозяйственные реформы (заминдари, раятвари и муаззавар), проведенные англичанами. Они разорвали существующие социальные устои. В высших группах и низших слоях индийского общества появилось желание справедливости, и в результате в 1857–1859 гг. вспыхнуло сипайское восстание. Было необходимо изучение внутренней ситуации в британских владениях, и его начали проводить руководители переписи.

У. Хантер в 1869 г. впервые предложил теорию касты. Он объяснял их обособленность расово-этническими причинами.

Д. Иббетсон понимал касты как обособленные профессиональные группы, именно поэтому в первых переписях каста учитывалась по критерию профессии. Он связывал формирование этой социальной организации с особой моделью общественного разделения труда, при которой профессиональная специализация закреплялась за отдельными племенами или кланами.

Теория касты Г. Рисли впервые была сформулирована в 1891 г. и позднее он построил свою классификацию народов и каст Индии, что нашло свое отражение в его работе «Народ Индии». Касту он понимал как «собрание семей или групп семей, носящих одно имя, пре-

тендующих на общее происхождение от мифического предка, человеческого или божественного, занимающихся одной наследственной профессией». С этого времени каста сделалась основной учетной единицей, государственно признаваемой социальной группой.

Преемник идей Д. Иббетсона, Э. А. Блант, автор книги «Кастовая система в Северной Индии», выделял три главные характеристики касты: наследственность, эндогамия и ограничения на общение. По всей видимости, он не ставил профессиональный статус и владение ремеслом как основополагающие причины создания касты.

Таким образом, термин «каста», введенный европейцами еще в XVI в., соответствовал джати, индуистской профессиональной организации (гончары, плотники, рисоводы и др.), роль которой в Новое время будет затронута на семинарском занятии.

Тема 3.2 (семинар).

Варны и сегрегационная модель существования этнотерриториальных индуистских сообществ в Новое время

План

1. Традиционные индуистские институты и их эволюция к началу XVII в.
2. Межэтническое и социальное взаимодействия автохтонного населения с европейцами (португальцы, французы, англичане).
3. Идеология британского правительства в колониальной Индии и ее влияние на варновый строй.
4. Этнокастовые общности в период Нового времени.

Индийское общество на протяжении столетий было законсервированным и закрытым. Его социальная структура складывалась со II в. до н. э. по II в. н. э. и была закреплена в «Законах Ману» как четыре варны. К началу Нового времени (XVII в.) подобное сословное деление в индийском обществе не претерпело коренных изменений.

Высшей считалась варна брахманов (жрецов), которые имели право трактовать и объяснять священные тексты и совершали религиозные обряды. Вторая варна кшатрия, которой принадлежали воинская верхушка и государственные правители. Следующая варна – вайшьи – основная масса трудового населения, земледельцы и ремесленники.

Четвертую варну составляли шудры – обнищавшие, оставившие общину крестьяне, чужаки, отпущенные на волю рабы.

Просвещенным европейцам подобная иерархия казалась жесткой, бескомпромиссной и даже варварской. Мораль и нравственность, существовавшие в индийском обществе, производили на них тяжелое впечатление, и новые наблюдения иноземцев лишь омрачали их представления об Индии и ее населении. Бесправные слои (шудры) не могли не то что прикоснуться к вайшьям, кшатриям или брахманам, а даже оскверняли их своим взглядом или общением. Помимо этого, они не допускались в храмы. «Варварскими» традициями также считались детские браки и обычай самосожжения вдовы на погребальном костре мужа (сати). Подобные, с христианской точки зрения, аморальные и гнусные обычаи, по мнению колониальных властей, должны были прекратить свое существование. С этого момента Великобритания начала активно вмешиваться в социальную практику, складывающуюся в Индии на протяжении веков.

Британские «просветители» в лице колониальной администрации начали реформировать индуизм: это касалось не только «кровожадных» обычаев, но и традиционной варновой структуры. Совершить подобный «переворот» в сознании населения было довольно несложно. Дело в том, что в традиционной иерархической модели индийского общества место «воинов и управителей» было утверждено, и на определенном этапе власть кшатриев заменила власть британской колониальной администрации.

Общество Индии было пестрым: население, проживавшее на этой территории до прихода индоариев, продолжало существовать внутри своей традиционной культуры, хотя внешне они соблюдали индуистские порядки, продиктованные брахманизмом. Подобные группы в современной науке получили название «этнокастовых общностей». Чаще всего членами этнокастовой общности были представители санскритизированных племен, и в целях налаживания взаимоотношений со своими соседями они приняли их внешние признаки, но не позволили им менять традиции и культуры (например, запрет на брак с иноземцами). Наиболее санскритизированные подобные общности в иерархической лестнице стояли на ступени выше, нежели те, кто не стремился подчинить всю свою жизнь брахманической традиции.

Во второй половине XIX в., модернизируя традиционную социальную структуру, англичане регламентировали эту иерархию. В 1870–1880-х гг. британская администрация разработала общеиндийские

иерархические списки каст, и уже через пару десятилетий данные преобразования сделали индийское общество более жестким, чем в Средние века. Внешне традиционные брахманические институты не изменились, однако индийские касты были выстроены в строгой вертикальной последовательности.

Это привело к тому, что искусственно созданная британскими властями каста «затмила собой» иные идентификации. Вопрос о принадлежности к той или иной касте стал главным для индийца, ведь от ответа на него, в прямом смысле слова, зависел его жизненный путь. По мнению исследователя Е. Н. Успенской, институализация касты, научная разработка этого понятия и его активное внедрение в административную практику – заслуга английской колониальной власти.

Тема 3.3 (семинар).

КАСТОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА ИНДУИСТСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ В ПЕРИОД БРИТАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

План

1. Джати как ячейка индийского традиционного общества во времена Могольской империи.
2. Взаимоотношения между профессиональной и сословной организациями Индии в эпоху Нового времени.
3. Политика англичан в отношении джати в конце XIX – начале XX в. (административные, социальные и экономические изменения).
4. Создание кастового строя в Индии британской колониальной администрацией.
5. Модернизация традиционной брахманической идеологии британскими колониальными властями.

Термин «джати» в работах исследователей индийского общества колониального периода редко употреблялся и был заменен на европейское определение «касты», позднее – «подкасты». Однако организация джати была ячейкой индийского общества, на которой базировалась вся социальная структура. С санскрита «джати» переводится как «рождение», «происхождение», «порода». В современной индологии под этим термином понимается общественное объединение, базирующееся

на этнических, брачных и родственных связях. Отличительной чертой джати является передача по наследству профессионального занятия.

Мы знаем, что индийское общество было закрытым и не допускало в свои объединения иноземцев. Во многом это отражено в определении «индуиста», исходя из которого индуистом нельзя стать, им можно только родиться. Поэтому каждый индуист рождается в той или иной джати, которую он наследует от отца или матери.

Помимо профессиональной организации (джати), индуистское общество также разделено на несколько сословных групп. Варны – это статусные категории высшего уровня, и они объединяют внутри себя множество джати. Иерархия джати следует иерархии варн и выглядит следующим образом: в высших трех варнах пребывают группы брахманов, кшатриев, вайшья. В четвертой варне шудра состоят очень многочисленные и разные «чистые» джати земледельцев, пастухов, кузнецов, плотников и др. На нижней границе находятся так называемые неприкасаемые (то есть вневарновые) группы, у которых отсутствует устоявшийся профессиональный статус (например, кожевники-чамар, уборщики-бханги и др.). Очевидно, что между сословным и профессиональным делением индуистского общества существует тесная связь, именно поэтому для любого индуиста крайне важна принадлежность к какому-либо трудовому объединению, иначе он «выпадет» из варновой системы.

Подобная система существовала и в период Нового времени и начала меняться только в связи с активной политикой, проводимой британскими колониальными властями во второй половине XIX в.

Англичане ввели новую социальную единицу – «подкаста». В конце XIX в. была проведена перепись населения, по итогам которой было зарегистрировано около 2 млн джати. Тогда колониальная администрация пришла к выводу, что разнородная система, живущая по своим собственным традициям, крайне неудобна для управления. Поэтому к началу XX в. администрация вице-короля Индии создала более удобные для пересчета (а значит, и для управления) «касты»: «этнические», «профессиональные», «сектантские», внутри которых были выделены «подкасты» (джати) гончаров, плотников, рисоводов, кузнецов, ткачей и др., и их уже насчитывалось около 400 единиц.

В результате касты, состоящие из подкаст-джати, стали более «удобными» социальными единицами для колониальной администрации. Укрупнение профессиональных групп позволило метрополии более эффективно эксплуатировать сырьевые ресурсы Индии для развивающейся промышленности Великобритании.

Проведение подобной политики было бы невозможно без согласия хотя бы части индийских элит. Британская колониальная администрация предложила новый идеал кастового общества, путь к которому лежал через европеизацию. Многие представители местных элит начали учить английский язык, одеваться по-европейски, переосмысливать свое положение и унаследованные в семье традиции (например, изменяли свои профессии). По их мнению, это своеобразное британское «просвещение» дало им новые возможности, открыло неизведанные горизонты. Оторванность от джати, которая столетиями направляла своих членов, диктовала им традиции и жесткую жизненную стратегию, позволила многим реализовать себя. Однако у этой медали была и обратная сторона. Вместе с, казалось бы, свободой выбора пришло слепое подчинение европейским властям, ломка устоявшихся традиций и раскол общества, как в самых небольших его объединениях, так и в высших слоях. Традиционная система варны-джати была заменена искусственной системой каст, созданной англичанами.

Таким образом, окончательная модернизация индуистских социальных институтов к началу XX в. привела к полной зависимости Индии от британских властей. Индия стала «традиционным» кастовым обществом потому, что англичане сделали ее такой, и она приняла искусственную идеологию иерархических кастовых ценностей. Англичанам это было удобно: сначала для установления и упрочения своей власти через индийские элиты, которые мечтали реализовать свои желания, а потом – для управления через них всем остальным населением.

Источники и литература

1. История религии: Учебник для вузов / Под ред. проф. И. Н. Яблокова. Т. 1, 2. М.: Высшая школа, 2004.
2. Новая история стран Азии и Африки XVI–XIX веков: Учебник для вузов / Под ред. А. М. Родригеса. Ч. 1, 2, 3. М.: ВЛАДОС, 2004.
3. Родригес А. М. История стран Азии и Африки в Новейшее время (XX в.): Учебник для вузов. М.: Проспект, 2008.
4. Родригес А. М. Общественная мысль на Востоке в XIX–XX вв.: синтез традиционного и современного. М., 2011.
5. Родригес А. М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2012.
6. Алаев Л. Б. Южная Индия. Общинно-политический строй VI–XIII веков. М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
7. Баландин Р. К., Маркин В. А. 100 великих географических открытий. М.: Вече, 2004.

8. *Барт А.* Религии Индии. М.: Типолитография И. Н. Кушнарева, 1897.
9. *Белокреницкий В. Я.* (отв. ред.). История Востока: В 6 т. М.: Институт востоковедения РАН, Восточная литература, 2008.
10. *Бонгард-Левин Г. М.* Древняя Индия. История и культура. СПб.: Алетейя, 2001.
11. *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. М.: Наука, 1977.
12. *Ванина Е. Ю.* Средневековое мышление. Индийский вариант. М.: Восточная литература, 2007.
13. *Вигасина А. А.* О развитии эндогамии древнеиндийских варн // *Конрад Н. И., Бонгард-Левин Г. М.* (отв. ред.). Индийская культура и буддизм: Сборник статей памяти академика Ф. И. Щербатского. М.: Наука; ГРВЛ, 1972.
14. *Дмитричев Т.* В поисках Индии. Великие географические открытия с древности до начала XVI века. М.: Вече, 2012.
15. *Дюмон Л.* Homo hierarchicus. Опыт описания системы каст. СПб.: Евразия, 2001.
16. *Законы Ману* (Манавадхармашастра). М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
17. *Кальянова Т. П.* Путешествие епископа Р. Хибера по Индии: личный опыт геополитики // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2010. № 15. С. 112–122.
18. *Клюев Б. И.* Религия и конфликт в Индии. М.: ИВ РАН, 2002.
19. *Котовский Г. Г.* Введение: некоторые проблемы каст // *Касты в Индии.* М., 1965. С. 3–40.
20. *Кудрявцев М. К.* Кастовая система в Индии. М.: Наука; Восточная литература РАН, 1992.
21. *Кудрявцев М. К.* Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни). М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1971.
22. *Кудрявцев М. К.* Этнос и касты в индийском обществе // *Этносоциальная ситуация в Индии и СССР.* М., 1993. С. 57–66.
23. *Ланда Р. Г.* (отв. ред.). История Востока: В 6 т. М.: Восточная литература, 2006.
24. *Ментешаивили И. Ш.* Соприкосновение цивилизаций Запада и Востока в период деятельности в Индии английской Ост-Индской компании. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1998.
25. *Непомнящий Н. Н.* 100 великих загадок Индии. М.: Вече, 2010.
26. *Неру Дж.* Открытие Индии: В 2 кн. М.: Политиздат, 1989.
27. *Пахомов Ю. Н., Павленко Ю. И.* (ред.). Цивилизационная структура современного мира. Т. 3. Цивилизации Востока в условиях глобализации. Кн. 1. Мусульманско-афразийская и индийско-южноазиатская цивилизации. К.: Наукова думка, 2008.
28. *Попов В. А.* (ред.). Ранние формы политических систем. СПб.: Российская академия наук; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 2012.
29. *Савинов И. А.* Проблема социокультурной адаптации англичан в Индии (на материале произведений Р. Киплинга) // *Власов Н. А.* (сост.). Мир в Новое время: Сборник материалов Девятой всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам мировой истории XVI–XXI вв. СПб., 2007.

30. Стойкович А. (ред.). Ост-Индия. Индустан, Загангский полуостров. М.: Типография Августа Семена, 1846.
31. Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954.
32. Тарле Е. Политика. История территориальных захватов. XV–XX века: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
33. Успенская Е. Н. К вопросу о природе индийской касты // Журнал социологии и социальной антропологии. М., 2009. Т. 12. № 03.
34. Успенская Е. Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб.: Евразия, 2000.
35. Успенская Е. Н. Антропология индийской касты. СПб.: Наука, 2010.
36. Успенская Е. Н. Паритет статусов бирадари: «братство – равенство» в индийском кастовом обществе // Алгебра родства. СПб., 2009. Вып. XII. С. 101–131.
37. Успенская Е. Н. Феномен санскритизации в истории индийской культуры и общества // Россия и Индия в современном мире. СПб., 2005. С. 162–168.
38. Успенская Е. Н. Раджпуты. Традиционное общество, государственность, культура. СПб., 2003.
39. Хазанов А. Португальская колониальная империя. 1415–1974. М.: Вече, 2014.
40. Юрлова Е. Индия. Тяжкое наследие неприкасаемых // Азия и Африка сегодня. 2002. № 4.

ДОКЛАДЫ, РЕФЕРАТЫ, ЭССЕ

- Выдающиеся востоковеды и их вклад в изучение истории стран Востока (Г. М. Бонгард-Левин, Б. Тураев, Н. И. Конрад, М. Казем Бек, Л. Васильев и др.).
- Отражение социальной структуры Индии в работе «Номо hierarchicus. Опыт описания системы каст» Л. Дюмона.
- Кастовый строй Индии в отечественной историографии XIX – начала XX в.
- Современная историография о «колониализме» в Индии.
- Современные индийские исследователи о колониализме в Индии (на примере работы Синха Н. К., Банерджи А. Ч. «История Индии» или другой научной литературы).
- Индийская социальная структура в трудах российских путешественников XV–XVIII вв.
- Ранний европейский колониализм и его влияние на общественно-политическую эволюцию Индии.
- Индуизм и варновая система.
- Отражение варнового строя в «Законах Ману».

- Индуизм и система джати.
- Веда как религиозный и мифологический фундамент индуизма.
- Эволюция социальной структуры индийского колониального общества (середина XVIII – XIX в.).
- Завоевание Индии Ост-Индской компанией и ее трансформация в военную и территориальную державу.
- Сипайское восстание (1857–1859 гг.): предпосылки, причины и итоги.
- Мангал Панди – герой Индии.
- Личность и деятельность Лакшми Баи.
- Личность и деятельность Тантия Топи.
- Личность и деятельность Наны Сагиба.
- Роль деятельности семьи Тагоров в истории Индии.
- Р. Тагор как поэт-идеолог.
- Религиозно-реформаторское общество «Брахмо-самадж».
- Религиозно-реформаторское общество «Миссия Рамакришны».
- Индийский национальный конгресс (1885–1908 гг.).
- Личность и деятельность Бирсы Мунды.
- Личность и деятельность Раммохана Рая. Его религиозно-философские поиски.
- Личность и деятельность Аллама Мухаммада Икбалы.
- «Тайная Бхагаватгита». Личность и деятельность Б. Тилака.
- Личность и деятельность Сваши Вивекананда.
- Индия глазами русских путешественников XIX – начала XX в.
- Культурно-цивилизационные факторы становления Традиционной Индии.
- Традиционная Индия: проблема личности.
- Йога как специфическое явление индийской культуры.
- Интеграция идей индийской философии в западную культуру.
- Индуистский мистицизм.

ТЕМА 4

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Тема 4.1 (лекция).

Официальные доктрины Османской империи: от османизма к пантюркизму (вторая половина XIX – начало XX в.)

План

1. Идеология османизма как итог либерального движения в Османской империи (60–70-е гг. XIX в.).
2. Панисланизм как реакция мусульманского общества на европеизацию Османской империи (70–80-е гг. XIX в.).
3. Возникновение идеи пантюркизма как попытка сохранения турецкого владычества (конец XIX – начало XX в.).

Ко второй половине XIX в. Османская империя находилась в состоянии кризиса. Это было связано не только с экономической отсталостью страны, но и с нарастающим национально-освободительным движением на территории Балканского полуострова. Крымская война, из которой Порта хоть и вышла победительницей, серьезно отразилась на внутренней жизни государства: ухудшение экономического положения, обнищание народных масс, сокращение налоговых поступлений, кризис государственной казны, необходимость восстановления армии и др. Часть османского общества понимала, что в отсутствие каких-либо преобразований империя рухнет. Помимо этого, усилилось давление западных держав. Результатом этого стал второй этап реформ танзимата (1856–1878 гг.).

Мы не будем касаться тех изменений, которые произошли в социальной, экономической, культурной и других сферах империи, ограничимся лишь основными итогами этой политики. Во-первых, в результате реформ появились привилегии и права, необходимые для развития капиталистических отношений. Во-вторых, в течение 1876–1878 гг. в Османской империи был установлен парламентский режим. В-третьих, это был важный опыт для прогрессивной турецкой общественности, в результате которого страна пришла к младотурецкой революции 1908–1909 гг.

Танзиматские реформы, несомненно, содержали в себе прогрессивные тенденции, хотя и были очень противоречивы, ведь уступки для покоренных османами народов были незначительные. Одной из них стало провозглашение идеологии османизма (оттоманизма). Ее юридическим обоснованием стал Закон о национальностях 1869 г., по которому было введено общее османское гражданство вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности. Сторонники османизма декларировали равенство миллетов (конфессий) и равенство всех подданных империи перед законом. Военная повинность и подушный налог должны были касаться как мусульман, так и немусульман.

В новой идеологии пытались объединить несовместимое: традиционные мусульманские нормы и идеи европейских просветителей (гражданское, религиозное равенство). Данные принципы не получили поддержки среди местного населения: участились столкновения христиан и мусульман, духовенство восприняло новую доктрину как угрозу традиционным ценностям ислама. Поэтому к концу 1870-х гг. данная идеология потерпела поражение, как и в целом конституционное движение. Окончательно иллюзию идеологии османизма разрушили национально-освободительные движения второй половины XIX в. и Балканская война (1912–1913 гг.).

Начался новый этап в истории Османской империи – «эпоха зулума» (1878–1908 гг.), наиболее характерными чертами которой были превращение страны в полуколонию империалистических держав и установление режима деспотической власти.

Наиболее полно это проявилось в эпоху Абдул Хамида II. Обоснованием его внутренней и внешней политики стала доктрина панисламизма. Одним из идеологов нового течения выступил мусульманский реформатор Джамаль ад-Дин аль-Афгани. Он опирался на принцип иджитхада (право свободной интерпретации Корана) и доказывал, что Коран не препятствует прогрессу мусульманских народов. Однако султана Абдул Хамида II в его учении привлекли не философские и религиозные поиски, а высказывания против европейских держав и признание за Османской империей, а значит, и за ее султаном, главенствующей роли в мусульманском мире. Большая часть учения Джамали ад-Дин аль-Афгани, в которой содержались попытки сгладить религиозные и этнические различия, султаном игнорировалась. Более того, его политика строилась на обострении религиозных и национальных противоречий, поэтому в период его правления вновь участились столкновения между мусульманами и христианами.

Несмотря на то что панисламизм стал альтернативой европеизации, что данную идеологию поддерживала большая часть мусульманского населения, мечтавшая о привилегиях, эта доктрина перестала иметь столь широкое признание. Это было связано с тем, что в ней главенствующая роль была отведена Османской империи и турецкому султану, что арабское население не считало приемлемым для себя. Помимо этого, европейские державы, используя свою власть над этими территориями, пытались расширить свои владения за счет Египта, Сирии, Ливии и т. д. В своей политической игре они использовали противоречия, которые обострила идеология панисламизма. Поэтому к началу XX в. данная доктрина начала себя изживать.

Крахом этой идеологии стали Триполитанская война (1911 г.), по итогам которой Османская империя потеряла африканские владения. Это поражение стало причиной возникновения идей, которые являлись проблесками национального турецкого самосознания. Одной из них стала философия Зии Гёкальпа. Его идеи использовали младотурки, пришедшие к власти в 1908 г. Националистическую доктрину они превратили в идеологию пантюркизма. Его особенностями были идея объединения тюркоязычных народов в рамках единого государства (от Босфора до Алтая), распространение турецкого языка, попытка ассимиляции национальных меньшинств. Однако после поражения в Первой мировой войне и потери власти младотурками эта идеология перестала быть государственной.

Тема 4.2 (семинар).

Османская Албания как носитель идеи панисламизма на Балканском полуострове (последняя треть XIX в.)

План

1. Специфика Османской Албании.
2. Реформы танзимата и провал идеологии османизма на территории Балканского полуострова.
3. Зарождение албанского национально-освободительного движения.
4. Распространение идей панисламизма на территории Албании и попытка сохранения Османской империи.

Албания была захвачена турками еще в конце XIV в. как опорный пункт для дальнейшего продвижения в Константинополь. Многие

жители этих территорий были взяты в плен или приняты на военную службу в Османскую империю. Несмотря на то что в то время большая часть населения исповедала христианство (католицизм или православие), многие из албанцев приняли ислам. Это было связано с тем, что местная знать стремилась добиться признания в глазах султана, чтобы в дальнейшем идти вверх по карьерной лестнице. Именно поэтому антиосманское восстание под предводительством католика Скандербег (Георгия Кастриоти) в XV в. завершилось его поражением. В этом и заключается специфика Османской Албании: в отличие от остальных территорий Балканского полуострова, албанцы сотрудничали с Портой и, по крайней мере внешне, приняли ислам. Через пару столетий большую часть населения Албании уже составляли мусульмане, и султан поощрял это, даря льготы местной феодальной знати. Таким образом, на территории Балканского полуострова Османская Албания стала оплотом турецкой власти.

В XIX в. усугубился социально-экономический кризис в Османской империи. Правительство приняло решение реформировать существующую систему. Этот период в истории Порты получил название «танзимата» (1839–1878 гг.). В 1864 г. был принят закон о вилайетах, по которому изменилось административное деление Османской империи, коснулось это и территории Османской Албании.

Со второй половины XIX в. албанские территории оказались в Битольском, Янинском, Шкодринском и Косовском вилайетах. Шкодринский вилайет находился на границе с Черногорией, и султанская власть планировала использовать албанцев для защиты границ. В каждой из новых административных единиц (вилайета, санджака или казы) создавались меджлисы.

В соответствии с идеологией османизма, которую можно считать официальной доктриной в период реформ «танзимата», на собраниях в меджлисе должны были присутствовать не только мусульмане, но и христиане. Консул Российской империи Золоторев описывал эти собрания следующим образом: «Христианский элемент представлен в меджлисе двумя католиками и одним православным, но он существует только для формы. <...> Вся их работа в меджлисе состоит в том, что они ставят свои печати на решения, принятые мусульманами, которые даже не дают себе труда спросить их мнение, – решения, которые, впрочем, им неизвестны, так как они написаны по-турецки и никто из них не знает этого языка».

Даже из этой небольшой заметки российского консула видно, что османизм потерпел поражение на территории Балканского полуострова.

ва. Христиане не хотели мириться с турецкой властью, и вторая половина XIX в. стала временем широкого размаха национально-освободительных движений. Волна этих выступлений коснулась и Албании. Однако это было связано скорее с недовольством местных жителей той политикой, которую проводил султан.

Во-первых, как уже говорилось выше, население Албании было раздроблено на четыре вилайета. Во-вторых, в связи с огромным долгом Порты западным державам усилился налоговый гнет. В-третьих, было ограничено традиционное самоуправление на албанских территориях. Свою роль сыграли и албанские христиане, которые мигрировали в Италию, Сербию или Грецию. Они состояли в рядах национально-освободительных движений и пытались поддерживать связь с албанцами.

Однако попытки части албанского населения выступить за независимость своей территории окончились неудачей. Это было связано с идеологией панисламизма, которая возникла в Османской империи.

Идеология панисламизма пришлась «по вкусу» местной албанской знати. Так как религиозный фактор вновь начал играть решающую роль в политике Османской империи, наиболее влиятельные албанские феодалы надеялись укрепить свою власть в центральном аппарате управления Порты. Население также видело в султана не только правителя, но и духовного вождя – халифа. В соответствии с этим многие деятели албанского движения выступали за сохранение Албании в составе Османской империи.

Наиболее ярко данное движение проявило себя в конце 1870-х гг. Это было просултанское течение, возглавляемое албанскими чиновниками и частью мусульманского духовенства. Его приверженцы выступали против возникновения албанской лиги как национально-освободительной организации, а требовали создания исламской лиги, которая должна была объединить всех мусульман Европейской Турции. Ее задачей была организация вооруженного сопротивления реализации условий Сан-Стефанского договора.

Это были наиболее радикальные идеи. Однако умеренные патриоты и националисты, желавшие расширения прав для албанских вилайетов внутри Османской империи или же полной автономии области, не стремились поддерживать связь с движениями других балканских народов. Религиозный фактор был силен, и мусульмане Албании понимали, что они не могут быть приняты в христианские антиосманские организации и, тем более, не могут надеяться на бескорыстную помощь европейских держав. Поэтому одной из своих задач они ставили

не только антитурецкие выступления, но и защиту своих земель от хищнических соседей: Сербии, Болгарии, Черногории и Греции.

Османское правительство использовало данные настроения в албанских кругах, и часть войск, направлявшихся на подавление восстаний христианских народов, как и прежде, составляли албанцы.

Таким образом, панисламистская идеология продлила власть османов на Балканском полуострове. Вполне возможно, что, если бы население Албании было христианским, Балканы вспыхнули гораздо раньше. Однако религия, объединявшая большую часть населения, сыграла решающую роль в этом процессе. Идеология панисламизма была мощным оружием в руках турецкого правительства на Балканах.

ТЕМА 4.3 (СЕМИНАР).

**ЗАРОЖДЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ПАНТЮРКИЗМА
СРЕДИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

План

1. Идеи мюридизма на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в.
2. Распространение идеологии панисламизма на Северном Кавказе (конец XIX в.).
3. Национально-освободительные организации тюркских народов Российской империи под знаменем пантюркизма.
4. «Кавказский дом».
5. Укрепление национальных и религиозных связей тюркских народов Северного Кавказа с Османской империей.

Во второй половине XVIII в. началось формирование османского курса на кавказском направлении: Порта налаживала связи с местным населением, настраивая его против Российской империи. Они поддерживали шейха Мансура, первого суфийского шейха, возглавлявшего народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа в 1785–1791 гг. Во многом это спровоцировало развитие суфийского течения ислама на этой территории. В дальнейшем оно воплотилось в движение мюридизма.

Мюридизм получил широкий размах на территории Северного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Его распространение связано с именем Магомеда Ярагского родом из аула Вини-Яраг, который был обращен в суфизм

Хасс-Мухаммадом. Посоветовавшись с представителями духовенства и другими религиозными людьми, Магомед Ярагский пришел к выводу, что только суфийский тарикат способен возродить и оживить ислам. После этого Кавказ сможет свергнуть власть неверных, то есть русских.

Распространением суфийского тариката также занимался имам Гази-Мухаммад, который ходил с проповедями по горным аулам Дагестана и Чечни. К концу 20-х гг. XIX в. он провозгласил себя имамом и объявил против русских и их союзников священную войну. Победы горцев в Кавказской войне показали, что идеи мюридизма сплотили народы на этой территории, и Османская империя делала ставку на это движение в своей политике.

После 1834 г., когда имамом был провозглашен Шамиль, мюридизм стал движением за единство и независимость народов Северного Кавказа. Турецкие агенты под видом торговцев и проповедников старались распространить идеи этого течения на этой территории. Османская империя стремилась создать себе оплот в данном регионе в случае столкновения с Российской империей, а также наладить экономические и социальные связи с проживавшими на территории Северного Кавказа тюркскими народами.

Движение мюридизма, хотя и существовало благодаря османской пропаганде до начала XX в., заметно стихло после поражения имама Шамиля и Крымской войны.

Тогда Османская империя предложила кавказским народам новую идеологию. Под эгидой панисламизма и под властью Абдула Хамида II горские народы надеялись получить освобождение от России. Идея религиозного (панисламизм), а позднее и национального (пантюркизм) единения прижилась в среде народов Северного Кавказа.

Османская пропаганда делала ставку не только на тюркские народы (балкарцы, кумыки, кабардинцы), но и уделяла внимание религиозному воссоединению под властью султана. Для распространения новых идеологических течений Порта использовала специально обученных агентов. Они под видом купцов и паломников, возвращающихся из Мекки, посещали местности со значительным мусульманским и тюркоязычным населением. Таким образом, Порта укрепила свои позиции на территории Кавказского региона, сокращая пространственный разрыв с «тюркским миром».

Однако наибольший толчок к развитию национальных идей дала революция 1905 г., и пантюркизм стал идеологией не только для Кавказа, но и для татар, узбеков, башкир, туркменов и др. Также в начале XX в.

получила развитие идея о «Кавказском доме» – экономическом и политическом единстве кавказских народов. Ее разработчиком стал Исмаил Гаспринский, который считал, что тюрко-татарские народы Османской и Российской империй должны объединиться в единую федерацию под эгидой пантюркизма.

Таким образом, идеи пантюркизма и панисламизма тесно связали Османскую империю, а впоследствии и Турцию с Северным Кавказом. Совмещение политики национализма и религиозного воздействия позволило турецким властям прочнее закрепиться в регионе. Идеи пантюркизма также повлияли на становление национально-освободительного движения среди народов Кавказа, что усилило политическую неразбериху в Российской империи в начале XX в.

Источники и литература

1. История религии: Учебник для вузов / Под ред. проф. И. Н. Яблокова. Т. 1, 2. М.: Высшая школа, 2004.
2. Новая история стран Азии и Африки XVI–XIX веков: Учебник для вузов / Под ред. А. М. Родригеса. Ч. 1, 2, 3. М.: ВЛАДОС, 2004.
3. Родригес А. М. История стран Азии и Африки в Новейшее время (XX в.): Учебник для вузов. М.: Проспект, 2008.
4. Родригес А. М. Общественная мысль на Востоке в XIX–XX вв.: синтез традиционного и современного. М., 2011.
5. Родригес А. М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2012.
6. Абдулаева М. И. Дагестан в политике Османской империи во второй половине XVIII–XIX в. Махачкала, 2006.
7. Арш Г. Л. (отв. ред.). Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1992.
8. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Грозный, 2002.
9. Ахмадов Я. З. Северный Кавказ и великие державы: прошлое и настоящее // Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. Ростов н/Д, 1998. С. 27–30.
10. Белокрыцкий В. Я., Зайцев И. В., Ульянов Н. Ю. (отв. ред.). Исламский фактор в истории и современности. Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 2011.
11. Бутаев Инал. Проблемы Турции. Национальная революция на Востоке. Л.: Прибой, 1925.
12. Бушуев С. К. О Кавказском мюридизме // Вопросы истории. 1956. № 12.
13. Виноградов В. Н. (отв. ред.). История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.). М.: Красанд, 2012.

14. *Виноградов В.Н.* (отв. ред.). История Балкан: Век восемнадцатый. М.: Наука, 2004.
15. *Гаджиева Ульвия.* Деэтнизация кавказских албан в XIX веке. Баку: Нурлан, 2004.
16. *Демоян Г.А.* Культурно-образовательный пантюркизм: история и современность // Восточный сборник. 2002. № 4.
17. *Дулина Н.А.* Танзимат и Мустафа Решид-паша. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1984.
18. *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: СПбГУ, 2005.
19. *Ирмияева Т.Ю.* История мусульманского мира. От Халифата до Блистательной Порты. Челябинск: Урал LTD, 2000.
20. *Ихсаноглу Э.* (ред.). История Османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. История Османского государства и общества. М.: Восточная литература, 2006.
21. *Кандур М.И.* Мюридизм. История Кавказских войн 1819–1859 гг. Нальчик, 1996.
22. *Кадырбаев А.Ш.* Османская империя как синтез тюрко-ирано-византийской, славянской и кавказской цивилизаций – итог завоеваний или интеграции народов Азии, Европы и Африки // Иран-наме. 2008. № 4. С. 78–96.
23. *Кинросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи / Пер. с англ. М. Пальникова. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.
24. *Льюис Рафаэла.* Османская Турция. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2004.
25. *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991.
26. *Непомнин О.Е., Иванов Н.А.* Типология азиатских обществ. М.: Восточная литература, 2010.
27. *Петросян И.Е., Петросян Ю.А.* Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М.: Наука, 1993.
28. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
29. *Пономарёв Д.О.* Австро-Венгрия и Османская империя в системе международных отношений на Балканах в начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41. С. 141–148.
30. *Сварарнц А.* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002.
31. *Сибгатуллина Альбина.* Контакты тюрков-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М.: ИВ РАН, 2010.
32. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991.
33. *Таки В.В.* Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
34. *Убичини Ж.А.А., Павэ де-Куртейль А.Ж.* Современное состояние Оттоманской империи. СПб., 1877.
35. *Финкель К.* История Османской империи: Видение Османа / Пер. с англ. К. Алексеева, Ю. Яблокова. М.: АСТ, 2010.
36. *Хитцель Ф.* Османская империя. М.: Вече, 2006.
37. *Шеремет В.И.* Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М.: АВИАР, 1994.

ДОКЛАДЫ, РЕФЕРАТЫ, ЭССЕ

- Суфизм: идейные истоки, основы учения.
- Социальная этика суфийского течения ислама.
- Генезис мюридизма.
- Внешние предпосылки возникновения мюридизма на Кавказе.
- Духовные искания в идеологии мюридизма.
- Личность и деятельность Джамала ад-Дина аль-Афгани.
- Личность и деятельность Зия Гёкальпа.
- Идеологическая политика султана Абдул Хамида II.
- Идеология панисламизма как ответ на вторжение европейских держав.
- Возрождение идеи халифата при султанине Абдул Хамиде II.
- Пропагандистские кампании Османской империи: хиджазская железная дорога.
 - Личность и деятельность Исмаила Гаспринского.
- Проблема миграции народов Северного Кавказа в Османскую империю (вторая половина XIX – начало XX в.).
 - Роль ислама в историческом развитии Албании в Новое время.
 - Албания – «пятая колонна» мусульманского мира?
 - Сербо-албанские взаимоотношения: от «эпохи зулюма» до Балканских войн.
- Идеология пантюркизма: от историко-философской концепции до политической программы.
 - Мирная исламизация Боснии и Герцеговины как итог идеологической политики Османской империи.
- Идеи «европеизации» в общественно-политической и культурной жизни османского общества в эпоху танзимата.
 - Провал идеологии османизма в мусульманской среде.
 - Специфика зарождения идеологии пантюркизма.
 - Личность и деятельность Халиде Эдип Адывар.
 - Личность и деятельность Юсуф Акчурина.
 - Личность и деятельность Гаяза Исхаки.
- Пантюркизм как идейная основа внешней политики Османской империи в начале XX в.
 - Представление об «исламском единстве» в Османской империи (XV – начало XIX в.).
 - Движение «исламской солидарности» как модифицированная форма панисламизма.
 - Эволюция основных принципов пантюркизма.
 - Джадидизм и кадимизм. Роль движений тюркских народов в реформации ислама.

ТЕМА 5

ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА КАК ОСНОВНОЙ ВЕКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в.

Тема 5.1 (лекция).

Восточный вопрос как важная составляющая международных отношений в конце XVIII – начале XX в.

План

1. Зарождение и этапы развития Восточного вопроса.
2. Основные игроки и их интересы в рамках наиболее важного вопроса международных отношений на Востоке.
3. Эволюция форм и методов Восточного вопроса.
4. Затухание острых противоречий европейских держав и России относительно основных проблем Восточного вопроса.

Согласно принадлежащему профессору В. И. Шеремету определению, вошедшему в энциклопедию «Отечественная история» (том I, 1994 г.), Восточный вопрос есть группа противоречий и проблем в истории международных отношений, сложившихся в последней трети XVIII в.

В эпоху екатерининских войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. зарождавшийся Восточный вопрос был связан с активизацией черноморского и средиземноморского направлений внешней политики России и силовым противодействием Османской империи и великих морских держав – Англии, Франции и других европейских стран. Он быстро приобрел три четко выраженные части, или направления.

Во-первых, это были отношения России с Османской империей (Турцией) и великими державами по вопросу сохранения и модификации (либо упразднения) господства Стамбула на балканских (так называемая Европейская Турция) и левантййских (Сирийского-Палестинский регион и Египет) территориях, входивших в состав Османской империи. Сюда же можно отнести также разногласия

относительно судьбы (статуса) черноморских проливов – Босфора и Дарданелл.

Во-вторых, поддержание в регионе баланса интересов России и совершивших первую, а в 1840–1850-х гг. и вторую промышленную революции западных держав. Это затрагивало прежде всего контактные зоны Османской Турции, где владения султана соприкасались с территориями или колониями Англии, Франции, Австрии. Речь шла о Балканах, Восточном Средиземноморье, Северной и отчасти Восточной Африке (с 1830-х гг.), зоне Месопотамии и Аравийского полуострова (с 1840-х гг.).

Третью, вероятно, самую острую и потенциально «взрывную» группу проблем составляли национально-освободительные движения, ратовавшие за возрождение покоренных турками народов Балкан, Леванта и ряда других территорий. Особую остроту этой группе проблем придавало сочетание нескольких факторов: мультирелигиозного и многонационального состава Османской империи при абсолютной доминанте исламского правосознания во всех сферах социальной и политической жизни. Такая ситуация сохранялась даже в период реформ танзимата 1839–1876 гг.

На сегодняшний день существует несколько периодизаций Восточного вопроса. Разработанная советскими и российскими востоковедами хронология проблемы сходится в определении нижней и верхней границы. Однако разнится в расстановке реперных точек и процессов Восточного вопроса. Думаю, наиболее удачной в этом отношении стала периодизация, разработанная В.И. Шереметом в его работе «Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время» (М., 1996).

По мнению известного ученого, поливариативность проектов решения Восточного вопроса со стороны всех заинтересованных игроков (России, Турции и европейских стран) и несовпадение общеевропейских исторических вех с региональными делают хронологию проблемы крайне условной.

1 этап: 60-е гг. XVIII в. – Венский конгресс 1815 г.

2 этап: 1815 г. – Парижский мир 1856 г.

3 этап: 1856 г. – Сан-Стефанский мирный договор и Берлинский конгресс 1878 г.

4 этап: 1878 г. – окончание Первой мировой войны и распад Османской империи 1918–1923 гг.

Характерной чертой Восточного вопроса был в первую очередь его исключительный динамизм, который определялся большим количеством не только игроков, но и их интересов, варьировавшихся в зависимости от состояния внутренних резервов и международной ситуации в данный момент. Порой эти интересы были разнополярны и противоречивы даже в рамках одной военно-политической концепции. Вполне возможно, что такая противоречивость интересов была вызвана еще и неравномерностью исторического развития социально-экономических и политических процессов (стадиально-формационный разрыв) как в европейских странах и России, так и в самой Османской империи. Последняя также не могла похвастаться единством интересов всех составляющих ее территорий, что в конечном итоге привело к нарастанию сепаратистских тенденций окраинных территорий и разности задач, стоящих перед регионами и имперским центром.

На протяжении всего рассматриваемого периода основными движущими силами Восточного вопроса были уже названные нами страны – Османская империя (Турция), Россия, Великобритания и Франция, а также Австро-Венгрия и Пруссия (Германия). Однако стоит отметить и присутствие интересов других европейских стран: Швеции, Дании, Испании и др.

Задачи всех «игроков» вполне вписывались в треугольник проблем, указанный нами выше. Но была одна единственная цель, которая примиряла Турцию и ее европейских союзников-оппонентов, – противостояние возрастающей военной, политической, а позже и экономической мощи России. Наиболее ярким проявлением европейского противостояния в Восточном вопросе явились отношения Петербурга и Лондона, на основе концепции «русской угрозы Индии», которые уже к 1820 г. приобрели самостоятельное звучание в рамках так называемой Большой игры.

Многообразие форм и методов в решении проблем Восточного вопроса лучше всего рассматривать при анализе реперных точек и процессов поэтапно. Только в этом случае мы сможем указать на разность целеполагания и схожесть форм и методов, примененных при динамичности ситуации.

ТЕМА 5.2 (СЕМИНАР).

ГРЕЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ КАК ПОПЫТКА РЕШЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА ОБЪЕДИНЕННОЙ КОАЛИЦИЕЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ И РОССИИ

План

1. Кризисные тенденции в развитии Османской империи: проблемы национальных окраин – Греция и Балканы в начале XIX в.
2. «Греческий проект» России и охранительные концепции европейских стран. Деятельность И. Каподистрия и обсуждение «Греческого проекта» и судьбы Греции в России.
3. Формирование греческого национально-освободительного движения. Реакция Стамбула и европейских стран на восстание на Ионических островах. Противоречия в концептуальных вопросах будущего региона.
4. Эволюция политических приоритетов европейских стран и попытка нового прочтения и решения Восточного вопроса. Русско-турецкая война 1826–1828 гг.

Рассмотрение кризисных тенденций в военно-политической, экономической и социальной сфере османского общества начала XIX в. Военно-ленная система и расшатывание вековых устоев миллетной системы. Выведение национального и религиозного вопросов на ведущие позиции в османо-европейских и русско-турецких отношениях. Обострение проблем национальных окраин вообще и балканских и греческой провинций в частности.

Позиции европейских государств и России относительно основных проблем Османской империи. Место последней в системе Венского миропорядка. Охранительные концепции в позиции ведущих держав и «Греческий проект» России. Идеи и деятельность греческих тайных обществ в Афинах, Париже, Вене и России («Филики Этерия в Одессе») и российского подданного, а позднее и руководителя восстания – И. Каподистрия.

Формирование основных сил Греческого национального восстания. Реакция Высокой Порты на брожения в национальных европейских провинциях и начало восстания в Греции.

Споры представителей европейских держав и России о будущем греческого народа (провинция или государство) и противоречия в концептуальных вопросах в начале событий на Пелопоннесе.

Эволюция взглядов европейских и российских политиков в ходе восстания. Неоднозначность интересов Великобритании, Франции,

Австро-Венгрии и России по ключевым проблемам как хода и оценки греческой революции, так и будущего этой страны, важного для решения всех составляющих Восточного вопроса.

Тема 5.3 (семинар).

Восточный вопрос во внешней политике европейских стран и России во второй половине XIX в.

План

1. Внешняя политика европейских стран и Восточный вопрос в период между двумя русско-турецкими войнами. Причины консервативности европейских кабинетов.

2. Влияние всего комплекса проблем восточной (азиатской) политики европейских стран и России на эволюцию Восточного вопроса.

3. Причины и последствия Балканских кризисов конца XIX – начала XX в. Интересы и «игра» «новых» европейских стран.

4. Национально-освободительная борьба на Балканах в конце XIX – начале XX в. как проявление Восточного вопроса в новых условиях.

Анализ ситуации между двумя русско-турецкими войнами (1853–1856 и 1877–1878 гг.). Эволюция структуры и наполненности Восточного вопроса по мере появления на международной арене новых субъектов международного права – новых европейских и балканских государств. Выявление причин господства в государствах – участниках Восточного концерта консервативной идеологии, которая определила основные постулаты внешнеполитических решений на несколько десятилетий.

Смена курса восточной политики Петербурга после окончания Крымской и Кавказской войн. Расширение вектора внешнеполитического влияния, в частности активизация азиатского направления. Усиление международного военно-политического и отчасти экономического авторитета России. Азиатская политика с одной стороны и усиление европейских позиций (деятельность Союза трех императоров) с другой позволили решить ряд проблем в рамках Восточного вопроса. Одновременно стали причиной очередного витка напряженности на Балканах – втягивание новых балканских государств

в общеевропейскую политику и в новые кризисы – болгарский и боснийский, которые способствовали возникновению Балканских войн и Первой мировой войны.

Источники и литература

1. Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972.
2. Архипов С. В. Русская православная церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2016. 26 с.
3. Ахмедова Л.Ш. Ближневосточная политика Англии в колониальную эпоху: Избранные статьи. СПб., 2002.
4. Базили К.М. Очерки Константинополя. Босфор и новые очерки Константинополя. М.: Индрик, 2006.
5. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и в России // Бартольд В.В. Сочинения. Т. X. М., 1977.
6. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война (1817–1864). М., 1994.
7. Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней / Пер. с англ. А.А. Исэрова, В.С. Нестерова. М., 2011.
8. В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь И.С. Достян. М., 2010.
9. Валлерстайн И. Мировосистемный анализ: Введение / Пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006.
10. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 – конец XX века). М., 1999.
11. Васильев Л.С. История Востока: Учебник: В 2 т. М.: Высшая школа, 1993.
12. Виноградов К.Б. Мировая политика 60-х – 80-х гг. XIX века: события и люди. Л., 1991.
13. Восток – Россия – Запад: Исторические и культурологические исследования: К 70-летию акад. В.С. Мясникова. М., 2001.
14. Восток в Новое время: Экономика. Государственный строй: Сборник статей. М., 1991.
15. Восточный вопрос во внешней политике России / Под ред. Н.С. Киняпиной. М.: Наука, 1978.
16. Гаврикова А.С. Эволюция партийно-политической системы Великобритании и российская оценка английского опыта в контексте трансформации царского самодержавия: XIX – начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Тамбов, 2015. 27 с.
17. Гасратян М.А. и др. Очерки истории Турции. М., 1983.
18. Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX века). Челябинск, 1996.
19. Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973.
20. Думанов Х.М. Вдали от Родины: К 130-летию окончания Кавказской войны (1864–1994): Сборник архивных документов. Нальчик, 1994.
21. Дэвис Н.З. История Европы. М., 2014.
22. Егер О. Всемирная история: В 4 т. М.: АСТ, 1999.

23. *Еремеев Д. Е., Мейер М. С.* История Турции в Средние века и Новое время. М., 1992.
24. *Ерофеев Н. А.* Английский колониализм в середине XIX в.: Очерки. М., 1977.
25. Живая история Востока: Сборник / Сост. О. Е. Непомнин. М., 1999.
26. Живая история Востока: Сборник очерков. М., 1998.
27. *Жюльен Шарль-Андре.* История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко / Пер. с фр.; ред. и предисл. Н. А. Иванова. М., 1961.
28. *Зайончковский А. М.* Восточная война. 1853–1856. Т. 1–3. СПб., 1907. Переизд. 2002.
29. Запад и Восток: события, люди, их исследователи. XIX–XX вв. / Науч. ред. Н. Т. Сапронова. Воронеж, 1998.
30. *Зарин В. А.* Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв.: Записки концепций общественного развития и становления мирового рынка. М., 1991.
31. *Зашихин А. Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии, вторая половина XIX – начало XX в.: Очерки. Архангельск, 1994.
32. *Зеленев Е. И.* Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX в.). СПб., 2003.
33. *Золотухин М. Ю.* Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888 гг.). М., 1993.
34. *Исмаил-заде Д. И.* Граф Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005.
35. История дипломатии: В 2 т. / Под ред. В. А. Зорина и др. М.: Госполитиздат, 1959–1963.
36. История Османского государства, общества и цивилизации / Под. ред. Э. Ихсаноглу. Т. 1–2. М., 2006–2007.
37. История России: Россия и Восток / Сост. Ю. А. Сандулов. СПб., 2002.
38. История Турции: Сборник переводов работ XIX века. М., 2003.
39. Кавказ – Карпаты – Балканы: геополитические этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв.: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. И. В. Крючков. – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2015.
40. *Кинросс, лорд.* Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОСС-Пресс, 1999.
41. *Киняпина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994.
42. *Коптевский В. Н.* Россия – Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества. М.: ИВ РАН, 2003.
43. *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006.
44. *Мейер М. С.* Османская империя в XVIII веке: Черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991.
45. *Миллер А. Ф.* Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в. М.; Л., 1947.
46. Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX века: Учебник: В 3 ч. / Под ред. А. М. Родригеса. М., 2004.

47. Новая история стран Европы и Америки. Второй период: Учебник по специальности «История» / Под ред. Е. Е. Юровской и И. М. Кривогуза. М.: Высшая школа, 2012.
48. Новичев А. Д. История Турции: В 4 т. Л., 1963–1978.
49. О’Делл М. А. Внешняя политика Великобритании на Ближнем Востоке: XVIII–XXI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М., 2016. 27 с.
50. Орешкова С. Ф. и др. Россия и Турция: проблемы формирования границ. М.: ИВ РАН, 1999.
51. Орешкова С. Ф. Немировский конгресс. От двусторонних османо-российских отношений к Восточному вопросу. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015.
52. Орлов А. А. Проблема справедливого мирового порядка в проектах «вечного мира» периода Нового времени: Учебное пособие. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова.
53. Османский мир и османистика: Сб. статей. М., 2010.
54. Особенности модернизации на мусульманском Востоке: опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, И. Л. Фадеева. М., 1997.
55. Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2002.
56. Парфенов И. Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века (Движущие силы, формы и методы). М.: Наука, 1991.
57. Петросян Ю. А. Османская империя. М., 2003.
58. Победоносцева Кая А. О. Курды в истории и политике России на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2017. 25 с.
59. Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М., 2000.
60. Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия) / Под ред. Л. Нежинского, А. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999.
61. Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху / Отв. ред. С. М. Иванов. СПб., 1996.
62. Сабитова Л. Р. Политика Великобритании в Восточном Средиземноморье на рубеже XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Саратов, 2016. 27 с.
63. Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991.
64. Сокиркин Д. Н. Средиземноморье в военно-политических планах Великобритании: 1908–1914: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2016. 48 с.
65. Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. М., 2000.
66. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX века). М.; Л.: Наука, 1965.
67. Тарле Е. В. Политика: история территориальных захватов (XV–XX века). М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
68. Тодорова М. Н. Англия, Россия и танзимат: вторая четверть XIX века / Пер. с болг. М.: Наука, 1983.

69. Тойнби А. Дж. Постигание истории / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1991, 2006 (или любое другое издание).
70. Фадеева И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи: (османизм – панисламизм). XIX – начало XX века. М.: Наука, 1985.
71. Формозов А. А. Пушкин и древности. М., 2000.
72. Хитцель Ф. Османская империя / Пер. с фр.; под ред. В. И. Шеремета. М.: Вече, 2006.
73. Человек и Природа в духовной культуре Востока / Отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Крафт+, 2004.
74. Шеремет В. И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По данным русской военной разведки. 2-е изд., доп. М., 2009.
75. Шеремет В. И. Война и бизнес. Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время. М., 1996.
76. Шеремет В. И. Главы об Османской империи в конце XIX – начале XX века в книгах: Международные отношения на Балканах. Т. 1. 1815–1830 гг. М.: Наука, 1983; Т. 2. 1830–1856 гг. М.: Наука, 1990; Т. 3. 1856–1878 гг. М.: Наука, 1986; Т. 4. В пороховом погребе Европы. 1878–1914 гг. М.: РАН, Индрик, 2003; Т. 5. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: РАН, Индрик, 2002.
77. Шеремет В. И. Непобежденные: К 150-летию окончания Крымской войны: В 2 ч. М.: РГЮБ, 2006.
78. Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа, вторая треть XIX века. М.: Наука, 1986.
79. Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 года. Из истории Восточного вопроса. М.: Наука, 1975.
80. Шеремет В. И., Зеленина Л. В. Императрица в парандже. М., 2002 (или издание 2006).
81. Шеремет В. И., Зеленина Л. В. Тень за троном. М., 2006.
82. Широкоград А. Б. Русско-турецкие войны. 1676–1918 гг. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000.
83. Vitaleus: Сб. статей, посвященный 70-летию В. И. Шеремета. М., 2010.

ДОКЛАДЫ, РЕФЕРАТЫ, ЭССЕ

- «Греческий проект», халифат и Восточный вопрос в 1770–1790-х гг.
- Балканские войны и Восточный вопрос.
- Балканские национально-освободительные движения (Сербия, Греция) и Восточный вопрос.
- Балканские освободительные войны второй половины XIX в. и Восточный вопрос.
- Босфор и Дарданеллы в рамках Восточного вопроса в 1840–1870-е гг.
- Влияние Первой промышленной революции на Западе на Восточный вопрос.

- Восточный вопрос в документах Венского конгресса.
- Восточный вопрос в документах Сан-Стефанского и Берлинского конгрессов.
- Восточный вопрос в документах Ясского мирного договора 1791 г.
- Восточный вопрос и русско-турецкое военное сотрудничество в 1799–1802 гг.
- Восточный вопрос на Парижской мирной конференции 1856 г.
- Зарождение, характер и этапы развития Восточного вопроса (конец XVIII – начало XX в.).
- Наполеоновская Франция и Восточный вопрос. 1798–1815.
- Особые совещания по Восточному вопросу. 1858–1907 гг.
- Падение четырех великих империй и угасание Восточного вопроса.
- Первая екатерининская русско-турецкая война (1764–1774) и Восточный вопрос.
- Политика status quo в Англии и Восточный вопрос.
- Причины неудач силового решения Восточного вопроса (1798–1856 гг.).
- Республиканские аспекты Восточного вопроса (Республика Семи соединенных островов и Ф. Ф. Ушаков).
- Русские путешественники в Святой Земле и Восточный вопрос. 1856–1890-е гг.
- Священный Союз и Восточный вопрос в 1821–1841 гг.
- Танзимат и Восточный вопрос. 1839–1878 гг.
- Черноморские проливы в контексте Восточного вопроса. 1790–1840-е гг.
- Эволюция англо-русского соперничества в Восточном вопросе. 1801–1878 гг.

ТЕМА 6

«БОЛЬШАЯ ИГРА» В РЕТРОСПЕКТИВЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН И РОССИИ

Тема 6.1 (лекция).

АНГЛО-РУССКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 1830–1900-х гг.

План

1. Понятие и наполняемость термина «Большая игра». Хронология вопроса.
2. Международные отношения конца XVIII – начала XIX в. на Востоке. Оформление интересов Великобритании и России на Кавказе и Среднем Востоке.
3. Активизация европейской колониальной политики и окончательное оформление «Большой игры».
4. Персия, Афганистан, Памир и Дальний Восток как основные точки англо-русского противостояния в конце XIX – начале XX в.

Понятие и наполняемость термина «Большая игра». Проблемы хронологии «Большой игры» в российской и английской историографии.

Англо-русские отношения XVI–XVII вв.: первое знакомство, возникновение общих целей и первые разногласия. Англо-французское противостояние в Индии. Колониальные интересы Британии на фоне постепенного усиления России. Первые разногласия в рамках Восточного вопроса. Переход англо-французского соперничества в Персию (Иран) и втягивание в проблемы Кавказско-персидского региона Петербурга. Русско-персидские войны на фоне активной поддержки британских дипломатов. Постепенное осознание Лондоном и Петербургом неизбежности противоречий в Персидско-афганском регионе. Гератский вопрос. Деятельность русских и английских дипломатов в Афганистане. Первая англо-афганская война. Окончательное оформление разности интересов на азиатских территориях. Общественно-политическая мысль Великобритании о насущных нуждах империи на Востоке.

Основные европейские страны и их колониальные интересы на Востоке.

Причины и цели эволюции приоритетности российской внешней политики после Крымской войны. Начало освоения Среднеазиатского региона: образование Туркестанского генерал-губернаторства. Включение в состав империи или протекторат – два пути укрепления русских позиций на Востоке. Компенсаторность азиатской политики Петербурга на фоне приоритетности Восточного вопроса в 60–70-е гг. XIX в. Миссия генерала Н.Г. Столетова и начало второй англо-афганской войны.

Туркменские экспедиции русских войск и активизация английского противостояния по всему периметру российской границы в Азии: Персия, Туркмения, Афганистан, Туркестанский край и Памирский регион. Присоединение Мерва (туркменский оазис) и начало движения империй к открытому военному конфликту. Деятельность разграничительной комиссии. События на Кушке, а позже на Памире как показатель разности целей и интересов Лондона и Петербурга.

Постепенное затухание англо-русских противоречий на Среднем Востоке и их эволюция на фоне вмешательства в жизнь региона новых колониальных хищников. Заключение англо-японского военно-политического союза и очередная попытка противостояния России на Дальнем Востоке.

Начало переговоров об урегулировании всех российско-британских противоречий по Персии, Афганистану и Памиру: подписание конвенции 1907 г.

ТЕМА 6.2 (СЕМИНАР).

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ПЕТЕРБУРГА И ЛОНДОНА О ПРОТИВОСТОЯНИИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

План

1. Появление и пропаганда концепции «русской угрозы Индии» в свете английской политики на Среднем Востоке.
2. «Азиатское направление» российской политики в первой половине XIX в. Начало освоения Среднеазиатского региона.
3. «Наступательная» и «оборонительная» концепции в политике Лондона и Петербурга.

4. Эволюция англо-русского противостояния на Среднем Востоке (конец XIX – начало XX в.). Договор о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и на Тибете (1907 г.) в оценке общественно-политических деятелей России и Великобритании.

Осознание английским и российским истеблишментом различия в целеполагании политики в рамках сформировавшегося к началу XIX в. Восточного вопроса и выделение из него проблемы «угрозы Индии». В связи с предложением Наполеона русскому императору похода в Индию, Лондоном выдвинута концепция активного противостояния на границах своих владений в Азии. Лишним поводом к ведению таковой стало появление в британской прессе начала века сведений о «завещании Петра Великого», в котором он якобы зовет своих наследников присоединить к российским просторам и Индию. Таким образом, политика «активной обороны на окраинных рубежах» приводит английских дипломатов к столкновению с российскими интересами в Кавказском регионе, Персии (Иран).

Именно с этого момента начинается обсуждение вопроса русского продвижения в Индию, а главное – противодействия Петербургу в регионе.

Англо-русское соперничество в Иране в 1810–1820-х гг. вылилось в полномасштабное противостояние на Среднем Востоке, которое к середине XIX в. получило название «Большая игра».

Расширение сектора российской политики на южных границах империи. Персидский, афганский и среднеазиатский векторы в ретроспективе европейской политики и приобретение ими самостоятельного значения во второй половине девятнадцатого столетия. Различия и преемственность в концепциях общественно-политической мысли Лондона и Петербурга 1840–1890-х гг. в свете англо-русского противостояния.

Эволюция англо-русских отношений на Среднем Востоке (Персия, Афганистан, Тибет): от угрозы прямого военного противостояния (1884–1894 гг.) к подписанию конвенции «о мирном сотрудничестве в освоении азиатских богатств» (1907 г.). Обсуждение общественно-политическими и экономическими кругами причин и последствий англо-русского противостояния как для обоих государств, так и для Азиатского региона в целом.

ТЕМА 6.3 (СЕМИНАР). «БОЛЬШАЯ ИГРА» В АФГАНИСТАНЕ

План

1. Проблема хронологии «Большой игры».
2. Первая встреча Российской и Британской империй на афганских территориях. Гератский вопрос.
3. Деятельность А. Бернса и И. Виткевича. Первая англо-афганская война.
4. Афганистан между Львом и Медведем. Миссия генерала Н. Г. Столетова и вторая англо-афганская война.
5. Деятельность Абдурахман-хана и попытка поиска баланса между Лондоном и Петербургом.

Принадлежность термина «Большая игра» английскому офицеру А. Конноли определила первенство в изучении англо-русских противоречий на Среднем Востоке. Отличие британской и российской хронологии обусловлено различием не столько в наполняемости термина, сколько территориальными рамками (рассмотрение аргументации и выводов сторон).

Персидские противоречия Лондона и Петербурга способствовали втягиванию территорий афганского эмира и его сердаров в орбиту своих интересов. Деятельность «полевых исследователей и дипломатов» в решении так называемого Гератского вопроса. Новая встреча И. Виткевича и А. Бернса в Кабуле накануне первой англо-афганской войны: формы и методы обоих государств. Решения Дост-Мухаммед-хана и начало противостояния Кабула и Калькутты (Лондона). По завершению военных действий вернувшийся на престол афганский эмир постепенно выстраивает политическую линию, исходя из уже зарождавшихся англо-русских противоречий относительно среднеазиатских и афганских территорий (попытки налаживания отношений с Петербургом и военно-политический союз с Лондоном).

Подтверждением правильности такой политики послужили события второй англо-афганской войны (1878–1880). Встреча миссии генерала Столетова в Кабуле и британский ультиматум эмиру Шер Али. Начало второй англо-афганской войны и вступление в военно-политическое противостояние нового претендента на престол Абдурахман-хана (Абдур Рахман-хан).

Деятельность Абдурахман-хана в качестве эмира Афганистана. Объединение страны, попытки ее реформирования и привнесение многих достижений европейской науки и техники. Доработана и всесторонне воплощена в жизнь концепция лавирования между Львом и Медведем.

Источники и литература

1. *Аветян А. С.* Германский империализм на Ближнем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссия Ли-мана фон Сандерса / Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1966.
2. *Агеев В. Ф.* Английское завоевание Синда. М.: Наука, 1979.
3. *Айвазян А. А.* Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2014.
4. *Айзенштат М. П., Гелла Т. Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 – сер. 1870-х гг.). М., 1999.
5. Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. // Красный архив. 1933. Т. 1 (56).
6. *Андреев А. Р., Шумов С. А.* История Афганистана. М., 2002.
7. *Ахмеджанов Г. А.* Гератский плацдарм в планах Британской агрессии на Среднем Востоке и в Средней Азии в XIX в. (30–80-е гг.). Ташкент, 1955.
8. *Ахмеджанов Г. А.* Экспансия британских империалистов на Среднем Востоке и использование ими гератского плацдарма (60–70-е гг. XIX в.) // Труды Среднеазиатского ун-та. Вып. 94. Кн. 14. Ашхабад, 1957. С. 47–60.
9. *Ахмедова Л. Ш.* Ближневосточная политика Англии в колониальную эпоху: Избранные статьи. СПб., 2002.
10. *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910 гг. М., 1961.
11. *Бокиев О. Б.* Англо-русское соперничество в Средней Азии в связи с присоединением территории Таджикистана к России // В кн.: Актуальные проблемы истории и историографии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Душанбе, 1990.
12. *Бондаревский Г. Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука.
13. *Бондаревский Г. Л.* Багдадская железная дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888–1903 гг.). Ташкент: Госиздат УзССР, 1955.
14. *Бондаревский Л. Г.* Англо-русские отношения в Персии накануне Первой мировой войны // Россия на рубеже XIX–XX вв.: Материалы научных чтений памяти профессора В. И. Бовыкина 20 января 1999 г. / Ред. А. Г. Голиков, А. П. Корелин. М.: РОССПЭН, 1999.
15. *Борецкий-Бергфельд Н.* Колониальная история западноевропейских континентальных стран. СПб.: Брокгауз – Ефрон, 1914.
16. *Васильев Л. С.* История Востока: Учебник: В 2 т. М.: Высшая школа, 1993.

17. *Виноградов К. Б.* Мировая политика 60-х – 80-х гг. XIX в.: события и люди. Л., 1991.
18. *Гаврикова А. С.* Эволюция партийно-политической системы Великобритании и российская оценка английского опыта в контексте трансформации царского самодержавия (XIX – начала XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Тамбов, 2015. 27 с.
19. *Гамильтон А.* Афганистан (Гератская и Кандагарская провинции) / Пер. с англ. Ташкент, 1911.
20. *Гамильтон А.* Афганистан. Внутренний быт. Русская и английская политика по отношению к Афганистану как буферу между Россией и Индией. СПб., 1908.
21. *Гелла Т. Н.* Английские либералы и их имперская политика глазами русских дипломатов (конец 60-х – 70-е гг. XIX в.) // В сб.: Россия и Европа: дипломатия и культура. М.: Наука, 2002. С. 75–94.
22. *Гелла Т. Н.* Колониальная политика Англии и либерал-империалисты в конце XIX в. // В кн.: Европа, США и колониальный мир. М., 1988. С. 5–25.
23. *Гелла Т. Н.* Либерализм и новый империализм в Великобритании в 80–90-х гг. XIX в. // Новая и новейшая история. 2001. № 2.
24. *Гелла Т. Н.* Либеральная партия Великобритании и империя в конце XIX – начале XX в. Орел, 1992.
25. *Гелла Т. Н.* Лорд Розбери: страница политической биографии // В кн.: Россия и Британия: Чтения памяти Н. А. Ерофеева / Отв. ред. В. Г. Трухановский. Вып. 3. М.: Наука, 2002. С. 268–289.
26. *Гелла Т. Н.* Политические круги Великобритании о русско-английском соперничестве на Среднем Востоке (60-е – начало 70-х гг. XIX в.). // В кн. Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995.
27. *Гелла Т. Н.* Россия и Германия во внешнеполитических планах английских политических кругов на рубеже XIX–XX вв. // В сб.: Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М.: Индрик, 2002.
28. *Герих П. фон.* Афганистан и его политическое значение. СПб., 1902.
29. *Глуценко Е. А.* Герои империи: Портреты российских колониальных деятелей: [К. П. Кауфман, М. Д. Скобелев, М. Г. Черняев]. М.: Изд. дом «XXI век – Согласие», 2001.
30. *Грудзинский В. В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX в.). Челябинск, 1996.
31. *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909.
32. *Дегоев В. В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд., расш. и доп. М.: SPSL – «Русская панорама», 2003.
33. *Дегоев В. В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992.
34. *Ерофеев Н. А.* Английский колониализм в середине XIX в.: Очерки. М., 1977.
35. *Жигалина О. И.* Великобритания на Среднем Востоке, XIX – начало XX века. Анализ внешнеполитических концепций. М.: Наука, 1990.
36. *Загородникова Т. Н.* Первый российский шпион в Индии // В сб.: Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. М., 1993. С. 100–105.

37. *Зашихин А. Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии (вторая половина XIX – начала XX века). Архангельск, 1994.
38. *Зиновьев И. А.* Россия, Англия и Тегеран. СПб., 1912.
39. История религии: Учебник для вузов / Под ред. проф. И. Н. Яблокова. Т. 1, 2. М.: Высшая школа, 2004.
40. История сношений Англии с Афганистаном, рассказанная англичанином // Русский вестник. 1879. № 2.
41. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX века. М., 1984.
42. *Каземзаде Фируз.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2004.
43. *Карцов Ю. С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908. (2-е изд. Пг., 1916.)
44. *Кастельская З. К.* К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с первой половины XIX в. до 1907 г.) // На зарубежном Востоке. 1934. № 2.
45. *Керзон лорд.* Положение, занимаемое Индией в Британской империи / Пер. с англ. Ташкент, 1911.
46. *Кожекина М. Т.* Итоги разведывательной миссии генерал-майора Н. // Военно-исторический журнал. 2000. № 4.
47. *Кожекина М. Т.* Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии. М., 1989.
48. *Кожекина М. Т.* Форпост России на Индостане // Восточный архив. 2001. № 6–7.
49. *Колесников А. А.* Русские военные исследователи Азии. XIX – начало XX в. Душанбе, 1997.
50. *Котляр П. С.* Русско-афганские отношения в середине XIX – начале XX века и англо-русское соперничество на Среднем Востоке // В сб. Ташкентского педагогического института «Ученые записки». Т. 33. Вып. 2. Ташкент, 1962. С. 57–249.
51. *Крахмалов С. П.* Записки военного атташе. Иран – Египет – Ирак – Афганистан. М., 2000.
52. *Кулагина Л. М.* Граница России с Ираном. М., 1998.
53. *Кулагина Л. М.* Экспансия английского империализма в Иран в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 1981.
54. *Лебедев В. Т.* «В Индию». Военно-статистический и стратегический очерк. Проект будущего похода / Сост. В. Т. Лебедев. СПб., 1898.
55. *Лисенко В. К.* Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров.
56. *Лисицына Н. Н.* Афганский эмир Абдурахман-хан и англо-русское соперничество на Среднем Востоке // Восточный архив. 2008. № 17. С. 28–32.
57. *Лисицына Н. Н.* Изменение приоритетности направлений британской внешней политики в свете англо-русского противостояния на Востоке (XIX – начало XX в.) // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: Материалы II Международной научно-практической конференции, 20–21 апреля 2017 года / Под ред. И. М. Эрлихсон,

- Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2017. С. 42–46.
58. Лисицына Н. Н. Колониальная идеология Великобритании во второй половине XIX в. Идея «агрессивного колониализма» // Россия и Германия: путь в III тысячелетие (Материалы Международной русско-германской научной конференции). М., 2006. С. 139–144.
59. Лисицына Н. Н. Последний этап присоединения центральноазиатских оазисов к Российской империи в конце XIX века // Некоторые дискуссионные проблемы зарубежной и отечественной государственной истории: Межвузовский сборник научных трудов / Сост. И. Г. Жиряков, Н. В. Михайлова. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2008. С. 70–96.
60. Лисицына Н. Н. Сближение зон влияния Российской и Британской империй в Центральной Азии // Дискуссионные проблемы зарубежной и отечественной истории: Межкафедральный сборник научных работ / Сост. И. Г. Жиряков, И. В. Сучков. М.: РИЦ «Альфа» МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007. С. 98–115.
61. Логинов В. Ю. Конфликт в Афганистане: внутри- и внешнеполитические аспекты. М., 1999.
62. Лукин Н. М. Борьба за колонии. М.: Кушнерев, 1917.
63. Лурье С. В. Российская и Британская империи на Среднем Востоке в XIX – нач. XX в.: идеология и практика. М., 1996.
64. Маннанов Б. С. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – нач. XX века. Ташкент: Наука, 1965.
65. Мартенс Ф. Ф. Африканская конференция в Берлине. Колониальная политика современных государств. М., 1885.
66. Мартиросов С. З. Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе. Чарджоу, 1962.
67. Мартиросов С. З. Из истории англо-русского соперничества в Средней Азии в связи с присоединением Туркмении к России. Ашхабад, 1966.
68. Машкин М. Н. Россия и Афганистан: конференция в Берлине в 1884–1885 г. // В кн.: Европа, США и колониальный мир. М., 1988. С. 42–50.
69. Мендельсон В. И. Англо-русские противоречия в Азии конца XIX – начала XX в. в освещении советских историков // Современная историография стран зарубежного Востока (Роль традиционных институтов в историческом развитии народов Востока). М.: Наука, 1975.
70. Мендельсон В. И. Англо-русские противоречия в Афганистане в начале XX века // Исторические записки. 1969. Т. 83.
71. Низамутдинов И. «Сеистанский вопрос». Из истории вмешательства Англии в ирано-афганские дела. Ташкент, 1958.
72. Новая история стран Азии и Африки XVI–XIX веков: Учебник для вузов / Под ред. А. М. Родригеса. Ч. 1, 2, 3. М.: ВЛАДОС, 2004.
73. Нот бек фон. Памир и памирский вопрос. Сообщение, сделанное в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа в 1894 г. СПб., 1896.
74. Нотович Н. А. Россия и Англия. Историко-политический этюд. СПб., 1907.

75. Нуриддинов З. Р. Английская агрессия в Средней Азии в 1884–1885 гг. // В сб. Ташкентского пед. и учит. ин-та. «Ученые записки». Вып. 6. Ташкент, 1957. С. 297–328.
76. Нуриддинов З. Р. Англия и афгано-русское разграничение в 80-х гг. XIX в. // В сб. Ташкентского пед. и учит. ин-та. «Ученые записки». Т. 33. Вып. 2. Ташкент, 1962.
77. Остальцева А. Ф. К вопросу об имперских противоречиях между Англией и Россией во время заключения соглашения 1907 г. Научные доклады высшей школы // Исторические науки. 1958. № 4.
78. Очерки по Новой истории Афганистана. Ташкент, 1966.
79. Паркер Томас Мун. Империализм и мировая политика. М.; Л., 1928.
80. Парфенов И. Д. Англия и раздел мира в последней трети XIX в. / Под ред. А. Ф. Остальцевой. Саратов, 1978.
81. Парфенов И. Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. (Движущие силы, формы и методы). М.: Наука, 1991.
82. Родригес А. М. История стран Азии и Африки в Новейшее время (XX в.): Учебник для вузов. М.: Проспект, 2008.
83. Родригес А. М. Общественная мысль на Востоке в XIX–XX вв.: синтез традиционного и современного. М., 2011.
84. Родригес А. М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2012.
85. Рожкова М. К. Русские фабриканты и рынки Среднего Востока во второй четверти XIX в. // Исторические записки. 1948. № 27. С. 142–169.
86. Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.; Л., 1949.
87. Ромодин В. А. Афганистан во второй половине XIX – начале XX в.: официальная история и историография. М., 1990.
88. Российская дипломатия в портретах. М., 1992.
89. Российские путешественники в Индии. XIX – начало XX в. Документы и материалы / Отв. ред. П. М. Шаститко. М., 1990.
90. Россия и Афганистан / Отв. ред. Ю. В. Ганновский. М.: Наука, 1989.
91. Руир д-р. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке / Пер. с фр. М., 1924.
92. Русско-индийские отношения в 1900–1917 гг. Сборник архивных документов и материалов. М., 1999.
93. Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997.
94. Самойлов Н. А. Азия (конца XIX – начала XX в.) глазами русских военных исследователей (по материалам Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, П. А. Краснова) // В сб.: Страны и народы Востока. Вып. 28. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
95. Сергеев Е. Ю., Улунян Ар. А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914 гг. М., 1999.
96. Сили Дж. Р. Расширение Англии / Пер. с англ. СПб., 1909.

97. Силин А. С. Экспансия Германии на Ближний Восток в конце XIX в. М., 1971.
98. Симонов К. В. Афганистан в политике великих держав и Османской империи на Среднем Востоке. 1899–1918 гг. Воронеж, 2001.
99. Снесарев А. Е. Англо-русское соглашение 1907 г. / Отдельный оттиск из журнала «Общества ревнителей военных знаний». СПб., 1908.
100. Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906.
101. Соболев Л. Н. Англо-афганская распря. Очерк войны 1879–1880 гг. Т. 1–4. Вып. 1–8. СПб., 1880–1885.
102. Соколов А. Я. Английская колониальная политика в Афганистане в 50–60-х гг. XIX в. // Труды Среднеазиатского ун-та. Вып. 94. Кн. 14. Ашхабад, 1957. С. 7–27.
103. Соколов А. Я. Английская колониальная политика в Афганистане накануне второй англо-афганской войны (1878–1880 гг.) // Труды Среднеазиатского ун-та. Вып. 152. Исторические науки. Кн. 33. Ташкент, 1960.
104. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906.
105. Терентьев Н. В. Англо-русское политическое соперничество в Средней Азии (сер. XIX в.) в советской историографии // В кн.: Россия и страны Запада. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2000.
106. Тимощук В. В. Россия и Англия в Афганистане (Из записок фельдмаршала лорда Робертса). СПб., 1902.
107. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. Ашхабад, 1960.
108. Толстой В. С. Из служебных воспоминаний. Сэр Джон Макниль. Английский посол при персидском дворе // Русский архив. М., 1874. Т. 1. № 4. Стлб. 884–898.
109. Уальроль С. Иностранная политика Англии / Пер. с англ. СПб., 1899.
110. Уманский А. М. Русский министр иностранных дел князь А. В. Лобанов-Ростовский. СПб., 1896.
111. Фархади Раван. Влияние ислама на освободительную войну в Афганистане // Центральная Азия и Африка. 2000 (1). № 1 (Центральная Азия и Кавказ).
112. Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е гг. XIX века). Ташкент: Изд-во САГУ, 1957.
113. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876 гг.). М., 1962.
114. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60-е – 90-е гг. XIX в.). М.: Наука, 1965.
115. Халфин Н. А. Создание и распад Британской колониальной империи. М.: Наука, 1961.
116. Халфин Н. А. Султанская Турция и английская экспансия в Среднюю Азию (50–80-е гг. XIX в.) // В кн. Труды Среднеазиатского ун-та. Вып. 94. Кн. 14. Ашхабад, 1957. С. 29–46.
117. Харюков Л. Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.
118. Хевролина В. М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М.: ИРИ, 1999.

119. Хидояттов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии. Ташкент, 1981.
120. Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX века (60–70-е гг.). Ташкент, 1969.
121. Шевель А. А. Англо-русские военно-дипломатические отношения в системе Антанты в 1907–1917 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Брянск, 2016. 19 с.
122. Штейнберг Е.Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX–XX вв. // В кн.: Исторические записки. М., 1950. Т. 33. С. 47–66.
123. Штейнберг Е.Л. История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951.
124. Южаков С. Н. Англо-русская распря: небольшое предисловие к большим событиям, политический этюд, 1798–1885. М.: URSS, 2015.
125. Юлдашбаева Ф.Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70–80-е гг. XIX в.). Ташкент, 1963.
126. Юлдашбаева Ф.Х. Колониальная политика английского империализма в Афганистане и Средней Азии в последней четверти XIX века // В сб.: Труды САГУ им. В.И. Ленина истории стран Востока. Ташкент, 1957.

ДОКЛАДЫ, РЕФЕРАТЫ, ЭССЕ

- Английские «полевые» исследователи Средней Азии.
- Английские завоевания и колониальная система в Индии (середина XVIII – середина XIX в.).
- Англо-русское соперничество в Иране (первая треть XIX в.; 1860–1910-е гг.).
- Афганистан в планах английских апологетов колониализма.
- Берлинский конгресс 1878 г. и продвижение России в Среднеазиатском регионе.
- Борьба держав за Персидский залив. Конец XIX – начало XX в.
- Борьба за Индийский океан между державами в XVII – начале XIX в.
- Великие державы в борьбе за влияние в Восточном Средиземноморье в конце XVIII – начале XIX в.
- Военное и торгово-промышленное противостояние Великобритании и России на Среднем Востоке (1830-е – 1907 гг.).
- Выстрел на Мойке. Русская и английская разведслужбы в борьбе за Среднюю Азию. Многолетний поединок А. Бернса и Я. Виткевича.
- Германский империализм на Ближнем Востоке в конце XIX – начале XX в.
- Журнал «Вестник Европы» об англо-русском соперничестве в XIX – начале XX в.

- Историография англо-русской борьбы в Средней Азии (1830–1890-е гг.).
- Национальное восстание в Индии 1857–1859 гг. и реакция российской общественности.
- Начало активного освоения среднеазиатских просторов Российской империей (1850–1870-е гг.).
- Планы русских походов в Индию. Мифы и реальность.
- Представители английского общественно-политического истеблишмента о приоритетах колониальной политики на Среднем Востоке (первая или вторая половина XIX в. – по выбору).
- Российская и зарубежная историография о хронологии «Большой игры».
- Российская политика в Центральной (Средней) Азии в 1870–1890-х гг.
- Российские ученые и военные на службе геополитических интересов государства на Среднем Востоке.
- Русская печать об англо-русском соглашении о разделе сфер влияния в Азии (1906–1907 гг.).
- Русско-индийское «военное противоборство» (конец XIX – начало XX в.). Легенды и реальность.
- Становление и развитие философии английского колониализма (на примере Индии).
- Становление российских интересов на Среднем Востоке в первой половине XIX в.
- Формирование концепции «русской угрозы Индии».
- Япония, Россия и державы в войне 1904–1905 гг. Политические аспекты.

ТЕМА 7

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КИТАЯ В ПЕРИОД НОВОГО ВРЕМЕНИ

ТЕМА 7.1 (лекция).

Конфуцианство как официальная доктрина маньчжурской элиты в период Нового времени

План

1. Укрепление традиционной китайской идеологии в период становления Цинской династии (вторая половина XVII в.).
2. Доктрины представителей ханьской оппозиции против идеологии маньчжурских элит.
3. «Письменные судилища» (вэньцзы юй) как идеологический инструмент маньчжурской власти против оппозиции (XVIII в.).
4. Официальная идеология Цинской династии в противостоянии с христианским мировоззрением европейцев (вторая половина XIX – начало XX в.).

Во второй половине XVII в. Китай был захвачен маньчжурами. Однако иноземцы, сменившие ханьскую элиту, до этого исповедовавшие шаманизм, не стремились создать новую идеологию, напротив, их лозунгом было «возвращение к древности», к учению Кун Цзы (Конфуция). Это было связано с тем, что на протяжении столетий китайское общество находилось в жесткой системе, продиктованной философией Конфуция. Китаец, еще до прихода маньчжур, был превращен в послушный объект, управляемый свыше. Цинов привлекали в конфуцианстве жесткая регламентация взаимоотношений людей и закрепление их обязанностей перед верховной властью. В этот период консервативность и ортодоксальность общества достигли своего апогея.

Первыми в идеологической политике цинской власти были введение официальных правил морального поведения (люлюй) в 1652 г. и восстановление системы сяньюэ («сельские собеседования») в 1659 г.

В соответствии с указом 1659 г. «беседчики», направляемые местными властями, два раза в месяц разъясняли жителям своей округи правила морали или новые указы власти. Однако их главной целью была запись «дурных и хороших дел», которая позже передавалась местным властям. Можно сказать, что династия Цин на официальном уровне ввела должность доносчиков.

В период смуты, когда маньчжурская власть еще не была столь устойчивой на своем пьедестале, появились «вольномудцы», представители прогрессивной китайской общественности, желавшие изменить конфуцианские устои и свергнуть маньчжурское правительство. Это были выдающиеся в китайской истории философы и ученые: Хуан Цзунси, Гу Яньу, Ван Фучжи.

Маньчжуры понимали, какую опасность могли нести эти идеи для их власти, поэтому усилили свою пропагандистскую деятельность. Идеологическое наступление приняло размах при цинских императорах Асиньгёро Иньчжэне (1678–1735 гг.) и Асиньгёро Хунли (1736–1799 гг.).

Наиболее ярким проявлением было восстановление так называемых письменных судилищ (вэньцзы юй). Целью этой системы было уничтожение не только «крамольных» произведений, но и оппозиционных авторов. На протяжении 1774–1782 гг. было сожжено более десятка тысяч книг, издавались списки запрещенной литературы, «опасных» глав и абзацев. Наказывались авторы этих произведений, их семьи и распространители запрещенных книг: их могли лишить не только имущества и свободы, но и жизни.

Однако, несмотря на это, цинская эпоха была временем расцвета китайской историографии и создания крупных энциклопедических и справочных сборников.

Доктрина, существовавшая в период правления Цинской династии, жестко диктовала не только идеологическую направленность китайского сообщества, но и ее социальную и экономическую жизнь. Например, в соответствии с конфуцианской традицией, крестьянское сословие считалось благородным, в отличие от купцов и других представителей торговли. Столь сильная приверженность традициям на идеологическом уровне не позволяла китайской экономике развиваться. То же касалось и социальной сферы. К управлению или же в круг «ученых мужей» допускались только те, кто смог сдать письменный экзамен на знание конфуцианских догматов.

Идеология конфуцианства «подходила» и для внешней политики Китая в период «закрытия». Традиция в сочетании с архаикой не позволяли

прогрессивным течениям западных держав проникнуть в умы населения.

Тем не менее в 40-е гг. XIX в. такие китайские авторы, как Линь Цзэсюй и Вэй Юань, посвятили свои работы иноземным державам. В своих повествованиях они придерживались идеологии и писали о превосходстве китайской мудрости над достижениями западной цивилизации. Чуть позже, в 1880-х гг., китайский сановник Чжэн Гуаньинь выдвинул другой лозунг, который, с одной стороны, не противоречил официальной доктрине, а с другой – менял традиционные представления: «китайская наука – основа, западная наука – практическая польза».

Таким образом, следование традиционному, даже архаичному учению Конфуция и жесткая политика в отношении оппозиционных кругов привели к созданию тайных обществ в Китае. Их основой стали религиозные и философские доктрины, не соответствующие официальной идеологии (даосизм, христианство и чань-буддизм).

Тема 7.2 (семинар).

Христианские воззрения в идеологии тайпинов

План

1. «Три пути к одной цели»: специфика китайского мировоззрения.
2. Конфуцианство, буддизм и даосизм в Новое время.
3. «Праведные» миссионеры и традиционные китайские верования.
4. Импорт христианства в тайные общества Китая.
5. Специфика тайпинского протестантизма.
6. Европейские христиане и тайпины.

Идеей триединства в Китае объясняют факт почитания святых буддизма, даосизма и конфуцианства одновременно, причем китайцев не беспокоит, что эти вероучения нередко противоположны друг другу. Так конфуцианец, осуждающий буддизм и даосизм как «суеверия», зовет буддийского священника для совершения обряда бракосочетания, похорон или в случае болезни. Европейец, признающий лишь одну истинную религию, считает подобное невообразимым. Китайцы видятся ему либо лицемерами, либо людьми без сущности «веры», для которых все религии равноценны. Однако в Китае никогда и не было Бога, который бы отрицал существование своих «соперников». Буд-

дисты признавали индуистских божеств, хоть и считали их низшими по отношению к Будде. Даосы привлекали на свою сторону любое пользующееся популярностью божество и помещали его в свой пантеон. Конфуций никогда не выступал за или против какого-либо божества. Поэтому тезис «три пути к одной цели» – а целью является праведная жизнь – представлялся китайцам весьма разумным.

В Китае в Новое время удивительно сплелись между собой религиозные и философские течения, здесь одинаково почитали и Конфуция, и Будду и местных божеств. Китайская цивилизация тем и отличалась от европейской, что в ней отсутствовал бог, а значит, и религиозные войны.

Несомненно, причиной трагедии китайского народа в Новое время было присутствие в стране огромного числа грубых и несведущих миссионеров. В Европе развивалась освобожденная от церковных канонов мысль, и в Китай (как, впрочем, и в другие страны Востока) хлынул поток миссионеров, поддерживаемый религиозными деятелями, которые потеряли былой авторитет в Старом свете.

Иностранный буржуазный мир, которому были чужды ценности ханьца, вторгся незванным гостем в Китай. Специфика китайского мировоззрения и восстания, направленные против маньчжурской власти, не укладывались в западной системе ценностей, и миссионеры считали, что подобным образом думать и действовать могут только дикари. Пресса в Европе, находившаяся под их влиянием, создала китайцам репутацию грубого и невежественного народа. Это вызывало симпатию к «страдающим» миссионерам в их странах, и они поддерживали людей на «просветительных» постах. Масса невежественных людей держалась за удобную и спокойную жизнь в Китае под защитой канонеров и только увеличивала сведения о числе «крещенных» ими «язычников».

В конце XVIII в. антиманьчжурские тайные общества развили настолько бурную деятельность, что в первой половине XIX в. в Китае было свыше нескольких десятков разного рода восстаний. Эти отдельные ручейки слились в одну мощную реку Тайпинского восстания, хлынувшего в 1850 г. из провинции Гуанси.

Почему же Хун Сюцюань, представитель образованного слоя населения, принял христианское учение? Почему за ним пошли? Почему считали за пророка? В XIX в. система «триединства» была уже не так популярна среди образованных слоев населения. С одной стороны, конфуцианство, насаждавшееся маньчжурскими властями, было арха-

ично и сложно в своих формулировках, с другой – буддизм и даосизм превратились в народные и примитивные учения. Общественность находилась в поиске религиозных убеждений, им стало христианское учение, проповедуемое Хун Сюцюанем.

Это учение представляло собой скорее форму христианства, так как Хун Сюцюань изучил лишь часть Священного Писания, в котором не были отражены некоторые важные догматы. Тем не менее его проповеди были популярны среди народа «хакка», к которому принадлежал Хун Сюцюань. В итоге на него обратили внимание местные власти, решившие, что он подрывает традиционные устои. В ответ на это в 1850 г. вспыхнуло восстание приверженцев Хун Сюцюаня, и было провозглашено государство Тайпин Тяньго (Царство Небесное Великого Благоденствия), в котором проповедник принял титул тянь ван (Царь Небесный). Однако если южные китайцы охотно пошли вслед за ним, то движение тайпинов на Север усложнилось из-за языкового барьера, так как северяне не понимали язык представителей «хакка».

Помимо этого, тайпинское вероучение, по сути христианское, было странным и не горячо приветствовалось народом. В основе оно было протестантским. В вопросах догматики тайпины в целом придерживались христианской теологии. Они признавали единого Бога (шан ди). Иисус в теологии тайпинов занимал то же место, что и у европейских протестантов, но учение о Троице понято ими не было из-за несовершенства перевода. Они также признавали существование Святого Духа и полагали, что однажды он снизошел и вселился в одного из их вождей – «дун вана» Ян Сюцина. Столпом вероучения были десять заповедей.

Тайпины были нетерпимы к другим религиям и признавали только христианского Бога. Захватив город, они считали своим долгом разрушить буддийские и даосские храмы, что отталкивало народ, который дорожил своими верованиями и традициями. Замена конфуцианских канонов на неизвестные христианские Евангелия оттолкнула образованных людей. Стоит сказать, что христианская идеология во много изменила китайские обычаи. Например, были запрещены бинтование ног и курение опиума, улучшилось положение женщин, а некоторых даже приняли на службу.

В первые годы тайпинского движения европейцы полностью сочувствовали ему, однако, когда в 1860 г. английское и французское правительства заключили с императором договор, который они считали очень выгодным для себя, стало общепринятым считать учение

Хун Сюцюаня богохульным. Особое недовольство вызывала личность лидера движения, которого тайпины считали если не божеством, то вдохновленным им. Европейские христиане представляли это как претензию на божественность, особенно после того, как Хун Сюцюань объявил себя «младшим братом Иисуса». Однако его титул значил не больше, чем императорский титул «Сын Неба» для всех остальных китайцев и не намекал на божественное происхождение. Тем не менее англичане не желали иметь нового пророка, тем более в лице китайца.

После получения европейцами необходимых экономических привилегий они приняли сторону маньчжуров и воспрепятствовали их наступлению на Шанхай. Это привело к дальнейшему поражению тайпинов и возвращению маньчжуров к власти в Цинской империи.

Таким образом, специфическое течение, созданное тайпинами на основе христианства, могло стать новой идеологией, направленной против Маньчжурской династии. Тем не менее вмешательство европейских держав в этот процесс и отсутствие поддержки христианства в Китае со стороны миссионеров привели к краху этого движения.

ТЕМА 7.3 (СЕМИНАР).

АНТИХРИСТИАНСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ИДЕОЛОГИИ ИХЭТУАНЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ

План

1. Переосмысление чань-буддизма на рубеже XIX–XX вв. в Китае.
2. «Упражнения ихэтуаней» как активные формы медитации (дхьяны) – фундамент мировоззрения «боксеров».
3. Народные суеверия в воззрениях ихэтуаней.
4. Иерархия религиозно-философского общества ихэтуаней.
5. Генетическая связь религиозного объединения «Ихэтуань» и «Байляньцзяо» («Учение Белого Лотоса»).

XIX в. стал веком потрясений для закрытого и консервативного китайского общества. В первую очередь это связано с восстанием тайпинов и распространением христианства в Китае. Несмотря на то что у Хун Сюцюаня были сторонники, он имел и противников, тех, кто не приемлет европейские религиозные ценности. На этом этапе существовало большое количество религиозных тайных обществ антихри-

стианской направленности (например, Партия черной воды – Хэй-шуи Дан, Ли Джао и др.), однако наиболее значимой была организация ихэтуаней, идеология которой базировалась на традиционных китайских верованиях (чань-буддизм и даосизм).

Традиционные учения пережили второе рождение на рубеже веков. В возвращении к истокам ханьцы видели возможность противостояния европейскому натиску. Чань-буддизм был распространен в Китае с V–VI вв. Приставка «чань» переводится как «отстраненность» или «избавление». Его основные принципы сводились к следующему: не опираться на какие-либо писания, использовать передачу вне слов, совершать прямой контакт с духовной сущностью человека и, созерцая свою изначальную природу, достигнуть совершенства Будды. В своем учении ихэтуани делали акцент на связь между духовной и физической составляющей буддизма, то есть на занятия медитацией (дхьяны). Целью подобной практики, которую совершенствовали участники, было вселение в них божественных духов, обладающих сверхъестественными способностями (умение летать, возможность достичь временной неуязвимости). За занятия кулачным боем европейцы прозвали ихэтуаней «боксерами».

Совершенствование своей физической силы было одним из основных занятий участников движения. Так описываются очевидцем упражнения, проводимые в организации: «Их магические методы состоят из множества заклинаний, содержащих в себе по 8–12 или 16–20 иероглифов, которые составляют 10 фраз. Они (то есть наставники ихэтуаней) заставляют подростков читать их наизусть, держа глаза закрытыми и кланяясь по три раза подряд на Юг. [Потом] те ложатся рядами на землю и через короткий промежуток времени вскакивают, выкрикивая свое имя и фамилию, которые оказываются именами героев древних династий. Подростки начинают делать бойцовские движения, то приближаясь друг к другу, то удаляясь. <...> Несколько десятков подростков делают эти упражнения вместе, живут они тоже вместе. На десятый день после начала занятий они ложатся на спину, потом с закрытыми глазами поднимаются и начинают прыгать и жестикулировать... Когда танец кончается, они отступают и кланяются своему учителю-наставнику, говоря: “Лаоши-фу! Я прошу разрешения удалиться”. И они возвращаются к своему нормальному состоянию. После того как проходит еще несколько дней таких занятий, они уже не ложатся больше на спину и не закрывают глаза. Стоит им повторить заклинание один раз, и они уже могут тотчас же обучаться искусству

кулачного боя, сразу начиная изгибать руки и совершать прыжки». Как видим, автор, описывающий их, отмечал физиологические и психические изменения, которые происходили в организме человека во время этих упражнений.

Любопытен и следующий факт, указывающий на важность данных упражнений и их религиозную основу. А. В. Рудаков писал, что, находясь в Китае во время Боксерского восстания, спрашивали у них, кто научил их этому, и получали ответ: «Никто не учил нас всему этому, но во сне к нам является Лао-е (то есть Гуан-ди), который говорит, что надо делать!»

Занимаясь этими упражнениями, adeпты движения представляли, что в них вселялись духи древних героев. Подобные взгляды были связаны с тем, что большую роль в идеологической картине ихэтуаней составляли народные верования.

Наибольшей популярностью среди рядовых ихэтуаней пользовался китайский бог войны, Гуань-ди, и его соратники, а также главари разбойничьей шайки, действовавшей в горах провинции Шаньдун в XII в. – Сунь Цзян, Ли Куй и У Сун. Об их подвигах молодым адептам было известно из романа «Речные заводы». Также популярностью пользовались будды и ботхисаттвы: Гуаньинь, Амитабха, Маньчжушри, сам будда Шакьямуни, а также основатель даосизма Лао Цзы и восемь даосских «святых-бессмертных».

Важную роль в формировании верований ихэтуаней сыграл китайский народный театр, доступный небогатым слоям населения. Его сюжеты базировались на исторических романах и фольклорной традиции. В них воспевалась социальная справедливость, храбрость и героизм – все то, что так лелеяли ихэтуани в своей идеологии.

Вера в народных богов и героев была свойственна тем адептам организации, которые находились на низших ступенях ее иерархии. Реально фундаментом тайного общества был чань-буддизм, религиозное и мистическое учение, секреты обучения упражнениям которого не были доступны основной массе представителей движения. В этой организации, как и во многих других, существовала иерархическая лестница.

Наивысшую ступень занимал наиболее «посвященный» руководитель движения ихэтуаней – «таитель-наставник» (Лао-ши), «старый брат» (Лао-гэ) и др., далее шли члены, посвященные не во все тайны учения («относительно посвященные»). Следующую ступень занимали рядовые члены организации, получившие посвящение и прошедшие

начальный курс психофизиологической тренировки. На низшей ступени находились только вступившие или недолго состоявшие в движении адепты. Данная иерархия сходна с той, которая существовала в «группах Байлянь». Это говорит о генетических связях ихэтуаней с «Белым Лотосом» («Байляньцзяо»).

«Учение Белого Лотоса» – созданное в Средние века мистическое тайное общество буддийского происхождения. Его ответвлением, которое стало в дальнейшем ядром «Союза ихэтуаней», была организация «Багуацзяо». Доказательством этого являются мистические практики и формы активной медитации, о которых говорилось выше.

Таким образом, «Союз ихэтуаней», ставший главным действующим лицом Боксерского восстания, можно считать тайным религиозным обществом, по крайней мере в начале его создания. Да и позже элита этой организации не стремилась открывать свои знания вновь вступившим адептам. Антихристианскую направленность идеологии подтверждают многочисленные выступления против иноземцев и следование традиционным религиям (чань-буддизм, даосизм).

Источники и литература

1. История религии: Учебник для вузов / Под ред. проф. И. Н. Яблокова. Т. 1, 2. М.: Высшая школа, 2004.
2. Новая история стран Азии и Африки XVI–XIX веков: Учебник для вузов / Под ред. А. М. Родригеса. Ч. 1, 2, 3. М.: ВЛАДОС, 2004.
3. Родригес А. М. История стран Азии и Африки в Новейшее время (XX в.): Учебник для вузов. М.: Проспект, 2008.
4. Родригес А. М. Общественная мысль на Востоке в XIX–XX вв.: синтез традиционного и современного. М., 2011.
5. Родригес А. М. Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2012.
6. Абаев Н. В. (отв. ред.). Буддизм и культурно-психологические традиции народов Востока. Новосибирск: Наука, 1990.
7. Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный Дом, 2002.
8. Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи. М.: Восточный Дом, 2002.
9. Бондаренко Ю. Я. Этика парадоксов (Очерк этики и философии даосизма). М.: Знание, 1992.
10. Буров В. Г. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня. М., 1976.
11. Васильев Л. С. (отв. ред.). Дао и даосизм в Китае. М.: Наука, 1982.

12. Горбунова С. А. Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. М.: ИД «ФОРУМ», 2008.
13. Горбунов С. А. О некоторых аспектах деятельности движения ихэтуаней и система фэншуй // Деятельность Русской православной церкви в Забайкалье: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции «Ефремовские чтения – II», 27–28 ноября 2005 г. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2005. С. 34–43.
14. Дацышен В. Г. Новая история Китая. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004.
15. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007.
16. Иванов П. М. Из истории христианства в Китае. М.: ИВ РАН, 2005.
17. Илющечкин В. П., Соловьев О. Г. (сост.). Тайпинское восстание 1850–1864 гг.: Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
18. Ионов А. Ю. Значение «Записей ежедневных познаний» Гу Яньу для конфуцианской традиции // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 32–36.
19. Ихэтуань. (Ихэтуани). Т. 1–4. Шанхай, 1955.
20. Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002.
21. Лао Цзы. Дао Де Цзин (Книга о Пути и Силе). М., 2002.
22. Ленков П. Философия сознания в Китае. Буддийская школа фасян (вэйши). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
23. Лукьянов А. Е. Дао. Книги Перемен. М.: ИНСАН, РФК, 1993.
24. Макаров В. А. Подавление восстания ихэтуаней как «цивилизующий акт» в отношении Китая // Буданова В. П., Воробьева О. В. (отв. ред.). Цивилизация и варварство II: парадоксы победы цивилизации над варварством. М.: ИВИ РАН, 2013.
25. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2000.
26. Маслов А. А. Письмена на воде. Первые наставники Чань в Китае. М.: Издательство Духовной Литературы, Сфера, 2000.
27. Маслов А. А. Встретить дракона: толкование изначального смысла «Лао-цзы». М.: Логос, 2003.
28. Масперо А. Даосизм / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова; под ред. С. В. Пахомова. – СПб.: Наука, 2007.
29. Меликсетова А. В. История Китая. М.: Высшая школа, 2002.
30. Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Восточная литература, 2005.
31. Нестеркин С. П. Личность в буддизме махаяны. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
32. Никифоров В. Н. (отв. ред.). Восстание ихэтуаней. Документы и материалы. М.: Наука, 1968.
33. Осьмаков И. Н. Особенности работы русской духовной миссии в Китае после Боксерского восстания: Труд начальника восемнадцатой миссии епископа Иннокентия (Фигуровского) – Книга о даосизме и его различиях с христианст-

- вом // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11. С. 104–106.
34. *Переломов Л. С.* Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н. э. – XXI в.). М.: Стилсервис, 2009.
35. *Рейн Крюгер.* Китай. История страны. (Биография великих стран). М., 2008.
36. *Сидихменов В. Я.* Китай: страницы прошлого. М.: Наука, 2000.
37. *Сидихменов В. Я.* Маньчжурские правители Китая. М.: Миринда, 2004.
38. *Титаренко М. Л.* (отв. ред.). Конфуцианский трактат Чжун юн: Переводы и исследования. М.: Восточная литература, 2003.
39. *Чебунин А. В.* История проникновения и становления буддизма в Китае. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009.
40. *Чудодеев Ю. В.* Крах монархии в Китае. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт, 2013.

ДОКЛАДЫ, РЕФЕРАТЫ, ЭССЕ

Конфуцианство и легизм в историко-культурной традиции Китая.

- Пекин как центр тибетского буддизма в эпоху династии Цин.
- Роль буддизма в культурной, социальной и политической жизни Китая в Новое время.
- Мистицизм в чань-буддизме.
- Китаецентризм – основа внешнеполитической стратегии в эпоху династии Цин.
- «Теория небесных знамений»: роль стихийных бедствий в официальной идеологии Китая периода Нового времени.
- Проблемы проникновения христианства в Китай.
- Личность и деятельность Хуан Цзунси.
- Личность и деятельность Гу Яньу.
- Личность и деятельность Ван Фучжи.
- Официальная идеология в период правления императора Асинь-гёро Иньчжэне (1678–1735 гг.) и практика ее осуществления.
- Официальная идеология в период правления императора Асинь-гёро Хунли (1736–1799 гг.) и практика ее осуществления.
- Культурные и религиозные традиции маньчжурских племен и их трансформация в период Нового времени.
- Конфуцианство в духовной культуре Китая в период Нового времени.
- Роль конфуцианства в формировании китайской цивилизации. Специфика ханьского мировоззрения.
- Китай в освещении западноевропейской мысли (вторая половина

XIX – начало XX в.).

- Личность и деятельность Цзэн Гофая.
- Влияние конфуцианства, даосизма, буддизма на идейное учение

Цзэн Гофая.

- Личность и деятельность Чжан Чжидуна.
- Философские и религиозные основания «упражнений ихэтуаней».
- Влияние буддийских религиозных традиций на идеологию «Союза ихэтуаней».

- Образ Китая в британской периодической печати второй половины

XIX – начала XX в.

- Проблема экспансии западных держав в китайской историографии.
- Личность и деятельность Хун Сюцюаня.
- Идеологическая основа тайпинского восстания.
- Восстание ихэтуаней как ответ на вторжение европейских держав в Китай. Антихристианская направленность движения.

- Религиозный синкретизм в Китае.
- Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Китае (XVIII–XIX вв.).

- Идеологическая основа традиционалистских союзов Китая (на примере деятельности общества Больших мечей).

ТЕМА 8

КОЛОНИАЛИЗМ НА АРАВИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И В АРАБСКОЙ АФРИКЕ

ТЕМА 8.1 (ЛЕКЦИЯ).

ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОЙ АФРИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

План

1. Этапы колониальной эпохи в Северной Африке.
2. Британская оккупация Египта.
3. Проблема зарождения уклада национального капитализма.
4. Приспособление местного общества к экспансии колониализма.
5. Основные направления колониальной политики Великобритании на Аравийском полуострове во второй половине XIX – начале XX в.

Колониальная эпоха в Египте и Северной Африке поначалу протекала относительно мирно и внешне мало заметно. В странах региона проблема противодействия колониализму поднималась по-разному. Ожесточенная борьба против него шла в Алжире (против французов), менее выражено и эпизодически в Марокко (против испанцев). В остальной части региона первые десятилетия рассматриваемого периода были скорее временем приспособления местных феодальных и патриархальных структур (в отечественной литературе получивших название «сложных многоукладных обществ») к чисто экономической на первых порах экспансии колониализма. На территории нынешней Ливии сложилась несколько иная ситуация. Здесь еще господствовавшая феодально-патриархальная верхушка кочевых племен продолжала выяснять отношения с османскими властями, местами сохраняя дофеодальные отношения, в том числе и рабовладение. В этих условиях, естественно, не было и не могло быть речи о «пересаживании» капитализма метрополий в местную социально-экономическую среду. Однако время шло и положение менялось. Приспособление местного общества к экспансии колониализма рождало новые отношения: между иностранным капиталом и феодально-бюрократическим аппаратом, между чужеземными предпринимателями и наемными работниками

из коренных жителей, между заморскими богатеями и местными ростовщиками и компрадорами. Из числа последних, так же как и среди коррумпированной национальной бюрократии, купцов и традиционных торгово-ремесленных слоев, стала зарождаться национальная буржуазия (прежде всего в коммерции, сфере услуг, мелком и среднем производстве), связанная с местными формами хозяйствования, самобытными традициями экономической деятельности (в том числе – при освоении новых ее видов), нарождающимся общенациональным рынком и быстро формирующимися собственными понятиями о национальных интересах.

Время перехода от традиционного докапитализма к зарождению уклада национального капитализма (при сохранении и иногда даже одновременном развитии иных укладов) наступило вовсе не синхронно для разных стран региона. Сугубо условным рубежом этого перехода можно признать 1851 г. для Алжира, когда в этой стране возник первый банк (а вслед за ним, в 1853 г. и первые концессии), и она оказалась включенной в таможенные пределы Франции, став ее частью в административном и экономическом отношении, 1854 г. для Египта (то есть с началом правления Мухаммеда Саида-паши, при котором была отменена система монополий, запрещены рабство и работорговля, введена свобода частного предпринимательства и провозглашено равенство всех египтян перед законом), 1857 г. для Туниса (год провозглашения «Ахд аль-Амана», то есть Хартии неприкосновенности, которая гарантировала неприкосновенность личности, имущества и чести жителей Туниса, их равенство перед законом и полную свободу частного хозяйствования).

При этом всюду представители национальной буржуазии занимали подчиненное положение, оставаясь на вторых ролях или, в лучшем случае, становясь младшими партнерами иностранных капиталистов. Для национальной буржуазии этот вопрос был самым важным с первых дней ее существования. И хотя она долго шла в одной упряжке с иностранным капиталом (особенно когда речь шла о совместной борьбе с феодальной заскорузлостью и бюрократической рутинной, о самой возможности быть предпринимателем), она никогда не забывала, что «французская архитектура» – не арабо-андалусская, а «матросские кабаки» – не мавританские кофейни.

Мелкие собственники и предприниматели в арабских странах, выступая в роли помощников, агентов, ремонтников, сателлитов и прочей obsługi крупного иностранного производства, объективно смы-

кались с национальной буржуазией, образуя ее опору, окружение и питательную среду. Естественно, в любых своих акциях буржуазия должна была учитывать позицию этого мелкособственнического слоя, во много раз превосходившего ее и по численности, и по связям с основной массой коренного населения, и по негативному отношению к иностранному капиталу, обладавшего монополией на современные методы ведения бизнеса, а главное – на политическую власть. Все это давало возможность зарубежным капиталистам не только эксплуатировать трудящихся арабских стран Африки, но и душить мелкое предпринимательство этих стран, беззащитно подчиняя его своим корыстным интересам и прихотям. Оказавшись перед лицом достаточно быстрого захвата внутреннего рынка Египта и Магриба иностранным капиталом в условиях отсутствия или крайней слабости национального капитала, правители Египта, Туниса и Марокко прибегли к государственному предпринимательству. В Египте это привело к возведению по инициативе и за счет государства ирригационных сооружений и путей сообщения, созданию плантаций сахарного тростника, при хедиве Исмаиле (1863–1879 гг.) в Египте было построено 430 мостов, 64 сахарных завода. Аналогичное строительство государство осуществляло в Тунисе и Марокко, а также французская колониальная администрация в Алжире. В Алжире и Тунисе строились в основном средства связи и коммуникации, в Марокко – хлопчатобумажные и сахарные предприятия, основывались хлопковые и сахарные плантации, заводы военного значения. Государственное предпринимательство, ввиду скудости внутренних ресурсов стран региона, обычно финансировалось иностранным капиталом. По этой причине оно, наряду с позитивными аспектами (развитие экономики и средств сообщения, создание условий для привлечения инвестиций извне и стимулирование частной инициативы национальных капиталистов), имело и негативные стороны, а именно: поощрение компрадорских тенденций и просто продажности государственной бюрократии, формирование в ее рядах агентуры иноземных капиталистов, укрепление позиций высших хозяйственных чиновников, заинтересованных в привлечении зарубежных капиталовложений в ущерб национальным. Кроме того, на протяжении всего XIX в. все возрастала задолженность правителей стран региона иностранным банкирам. Постепенно это привело к полному финансовому (и не только) закабалению этих стран.

Например, в Египте первые займы предоставлены были Мухаммеду Али европейскими банкирами в 1833 г., то есть в момент его наивысшего

могущества. Однако к 1840 г. сумма долга по займам составляла уже 80 млн франков, а количество иностранцев в стране (преимущественно предпринимателей, советников, маклеров и посредников) только в 1841–1846 гг. выросло в 10 раз – с 6 тыс. до 60 тыс. чел. В Тунисе первые займы были получены в 1824 г., и уже через 5 лет страна оказалась на грани финансового банкротства. В дальнейшем последовали новые займы, и к 1869 г., когда закабаление страны стало уже фактом, сумма долга составила 125 млн франков, из которых 4/5 приходилось на долю Франции. Крупный капитал Европы обогащался в результате операций такого рода, последовательно разжигая милитаризм и шовинизм среди соотечественников для дальнейшего нажима на североафриканские государства, попавшие в петлю финансовой зависимости. Банки и посредники, получая прибыли от внешних займов, постоянно повышали проценты с них. Например, заем, предоставленный в 1904 г. Марокко. Прибыль от него банкам составила 18,75%, хотя она не должна была превышать 10%.

Внешний долг Египта возрос к 1863 г. до 367 млн франков. В основном это было следствием гигантских расходов на строительство начатого еще в 1850-х гг. и открытого в 1869 г. Суэцкого канала, на создание бюрократического аппарата, на строительство дворцов правителей и прочие престижные проекты. Кроме того, внешний долг Египта рос также вследствие нечестных махинаций иностранных спекулянтов, ростовщиков, биржевиков и просто темных и даже преступных элементов – содержателей притонов, тайных торговцев наркотиками, контрабандистов.

Многие иностранцы были врачами, учителями, агрономами, механиками, чей труд был необходим и полезен Египту. Но он не отменял и даже не заслонял негативных аспектов засилья иноземцев. К 1871 г. их было в Египте уже 80 тыс. чел., в том числе 34 тыс. греков (которые занимались преимущественно ростовщицеством), 17 тыс. французов, 14 тыс. итальянцев, 7 тыс. немцев, 6 тыс. англичан. В Александрии они составляли почти четверть населения (50 тыс. чел.). Не менее 20 тыс. иностранцев постоянно жили в Каире.

Господство иностранцев и их агентуры, рост налогового гнета с целью выплаты долга и провозглашение финансовой несостоятельности страны в 1876 г. (над нею был официально установлен контроль держав-кредиторов) вызвали возмущение народа. Политизация египетского общества, начавшаяся еще в начале 1870-х гг., на рубеже 1870–1880-х гг. вылилась в патриотическое движение под лозунгом

«Египет для египтян». В отличие от сопротивления войскам Бонапарта в 1798–1801 гг., которое проходило под знаменем ислама и под руководством феодалов и духовенства, новое движение направлялось в основном представителями интеллигенции, буржуазии, служилого чиновничества и офицерства.

Важную роль играла пресса: в 1866–1879 гг. в Египте издавалось 25 газет и журналов на арабском языке. Среди журналистов было немало сирийцев и ливанцев, главным образом христиан, бежавших от османского гнета и ненавидевших деспотизм.

Канун начала XX в. для Персидского залива ознаменовался установлением ведущих позиций Великобритании. Лондон был заинтересован в поддержании его безопасности, так как это было необходимо для обеспечения сообщения с Индией – колонией Великобритании, которая представляла для нее особую важность. Для того чтобы добиться этого, британское правительство заключало соглашения с местными правителями. Эти соглашения позволили государственным образованиям этого региона стать субъектами международных отношений и упрочить свой суверенитет, так как были определены их границы, и Великобритания способствовала сохранению их территориальной целостности. Политика Великобритании определялась теми событиями, которые происходили в регионе Залива, а также ее соперничеством с другими великими державами того времени. В первые годы XX в. шла подготовка к Первой мировой войне. Между европейскими государствами формировались новые союзы, что затрагивало и интересы стран Залива. Для них особенно существенное значение имели позиции Великобритании, которая установила связи со странами региона и активно действовала в направлении сохранения своих региональных позиций. В 1904 г. было подписано соглашение между Великобританией и Францией, положившее начало союзу государств Антанты, которые противостояли Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Решение Великобритании стать на сторону Франции, а затем и России было продиктовано, прежде всего, растущими амбициями Германии, в том числе и в регионе Залива. Германия усилила свое проникновение в традиционно британские сферы влияния, она стала конкурировать за рынки сбыта, стала увеличивать свой флот. Германия также укрепляла дружеские связи с Османской империей, где с 1908 г. у власти были представители движения младотурок, проводивших прогерманскую политику. В регионе Залива новые отношения между Германией и Турцией привели к прекращению соперничества между

Россией и Великобританией, а также Францией и Великобританией, продолжавшегося на протяжении почти всего XIX в. Этому способствовала не только начавшаяся конфронтация с Тройственным союзом, но и заключение Англо-российского договора в отношении Персии. История формирования современного государства Бахрейн относится к началу XX в., когда в регионе Персидского залива обострилась борьба между ведущими мировыми державами того времени за региональное влияние. Это привело к их стремлению установить более прочные отношения с местными правителями. Главенствующие позиции традиционно занимала Великобритания, поэтому заключение соглашения между этой державой и Бахрейном в 1892 г. было вполне закономерным шагом с обеих сторон. В условиях активизации европейских держав, с которыми Великобритания соперничала, она надеялась таким образом укрепить свои позиции. Бахрейн же, со своей стороны, опасался стать пешкой в игре великих держав, кроме того существовала угроза со стороны Ибн Сауда – создателя саудовского королевства, из-за его экспансионистских устремлений в регионе. Поэтому Бахрейн надеялся с помощью англичан защитить себя.

Согласно договору 1892 г., шейх Иса ибн Али Аль Халифа брал на себя обязательство «не передавать в аренду, не продавать, не позволять оккупировать какую-либо часть своей территории никому, кроме правительства Великобритании».

В 1900 г. был назначен политический агент Великобритании в Бахрейне и был построен дом, который стал его резиденцией. Благодаря деятельности политических агентов влияние Великобритании в стране постепенно росло. Великобритания уделяла особое внимание Бахрейну, так как отсюда она могла распространять свое влияние на эмираты Договорного Омана. В конце XIX в. ведущие мировые и региональные державы того времени – Германия, Россия, Османская империя и Иран активизировали свою деятельность в регионе, направленную на ослабление позиций Великобритании. Во второй половине XIX в. господству Великобритании в водах Индийского океана, включая и Персидский залив, стала угрожать Османская империя, которая усилила свой флот, а также Персия, стремившаяся к лидерству в регионе Залива, и поэтому ее флот был оснащен военными кораблями. Для противодействия соперничеству со стороны Османской империи и Персии Великобритания пошла на заключение серии договоров об особых отношениях с прибрежными странами.

Великобритания не стремилась заключить аналогичное соглашение с Кувейтом, который, как представлялось, не проявлял особой активности в регионе. Однако правитель Кувейта – шейх Мубарак бен Сабах Ас-Сани, известный у себя в стране как Мубарак и считающийся согласно традиции основателем современного Кувейтского государства, сам выступил с инициативой заключения соглашения с Великобританией. Таким образом он рассчитывал укрепить самостоятельность своей страны. В этот период над Кувейтом нависла опасность со стороны Османской империи, которая хотела бы усилить свой контроль над его территорией. В 1897 г. Османское правительство пожаловало шейху Мубараку титул каймакама. Шейх Мубарак никогда не признавал себя подданным Османской империи, считая, что он является правителем самостоятельного государственного образования. Шейх Мубарак, по словам политического агента Великобритании в Кувейте Гарольда Диксона, «был человеком дела, фанатично любившим свою страну, которую он мечтал поднять из руин», обратился с просьбой о встрече с британским политическим резидентом в регионе Залива. Один из помощников резидента прибыл в сентябре 1897 г. в Кувейт, и во время встречи с ним шейх Мубарак заявил о желании его народа получить защиту со стороны Великобритании и спасти его от аннексии Османской империей. Первоначально представители политической администрации Великобритании в регионе Залива не отвечали на просьбы шейха Мубарака о заключении соглашения с ним. По всей вероятности, Великобритания не хотела вмешиваться в те внутренние конфликты, ареной которых был тогда регион, стремясь сохранить статус-кво. Однако события в регионе Залива вскоре подтолкнули Великобританию изменить свое решение. В этот период стали достоянием гласности планы Германии построить железную дорогу Берлин – Стамбул, которая должна была пройти через Багдад к бухте Кувейта. Если бы такая дорога была построена, возникла бы вполне ощутимая угроза британским интересам в регионе не только со стороны Германии, но и России, принимая во внимание соперничество между Россией и Великобританией за влияние в Персии. По-видимому, британское правительство под влиянием этих обстоятельств изменило свое предыдущее решение сохранять статус-кво и пошло на подписание в январе 1899 г. секретного соглашения с шейхом Мубараком. Соглашение было заключено между лейтенантом-полковником Малколмом Джоном Мидом – политическим резидентом Его Величества, представлявшим британское правительство, – с одной стороны и шейхом Мубараком – правителем

Кувейта – с другой. В нем говорилось, что шейх Мубарак, по своему собственному желанию и в соответствии со своей волей, обещает, что ни он сам, ни его наследники и потомки не будут принимать агента или представителя какой-либо державы или ее правительства в Кувейте или в каком-либо ином месте в пределах его территории, не заручившись предварительно согласием британского правительства.

В соглашении также отмечалось, что нынешний правитель Кувейта, его наследники и потомки не будут передавать, продавать или отдавать в аренду, либо отчуждать или давать в пользование, или каким-либо иным способом распоряжаться частью своей территории в пользу какого-либо правительства, либо представителя той или иной державы, без получения предварительного согласия со стороны правительства Великобритании.

Оно не давало каких-либо гарантий со стороны Великобритании, но тем не менее было полезным для правителя Кувейта, который надеялся на британское покровительство в случае угрозы его стране. Можно привести несколько примеров вмешательства Великобритании для защиты Кувейта.

ТЕМА 8.2 (СЕМИНАР).

КОЛОНИЗАЦИЯ ТРИПОЛИТАНИИ И КИРЕНАИКИ. ОРДЕН СЕНУСИТОВ

План

1. Этапы установления Турцией режима прямого управления.
2. Народные восстания против турецкого господства. Рождение религиозных братств.
3. Деятельность Мухаммеда Али ас-Сенуси. Расцвет влияния сенуситов.

После установления Турцией режима прямого управления Триполитанией и Киренаикой, начиная с 1835 г., происходил интенсивный процесс колонизации населения, подчинения его турецким законам. Однако попытки турецких властей распространить эти законы на всю территорию страны наталкивались на сопротивление местного населения, особенно кочевников-бедуинов. Жители восставали против турецкого господства, поддерживали различные религиозные братства, духовные идеи которых больше соответствовали примитивному уровню

развития племен, чем официальный ислам, насаждавшийся турками, а также провозглашали идеи национального объединения и борьбы против иностранных завоевателей.

В этих условиях в Киренаике обосновалось братство сенуситов, приспособившее свою религиозную деятельность к племенной раздробленности и к уровню довольно примитивного бедуинского общества.

Орден сенуситов был основан в 1837 г. Мухаммедом Али ас-Сенуси, выходцем из выдающегося арабского рода, давно обосновавшегося на Севере Африки. Этот род прослеживал своих предков от пророка Мухаммеда по линии дочери пророка Фатимы и ее мужа Али ибн Али Талиба, четвертого халифа ислама. К концу VIII в. правнук Фатимы и Али по имени Идрис ибн Абдалла бежал в Северную Африку из Мекки после неудачного восстания против Абассида Халифа и основал свое государство близ Феса. Его ближайшие предки жили в Алжире, где род принял фамилию Сенуси в честь религиозного шейха, который был родом из Тлемсена (в XIII в.). Сенусизм начинался как возрождение чистой веры раннего ислама и вылился в миссионерское движение по приобщению к исламу отсталых жителей Сахары и привлечению на свою сторону единомышленников, которые разочаровались в официальном исламе, прививавшемся им турками.

В это время над сенуситским движением нависла большая опасность с далекого юго-запада: началось французское вторжение в Чад в 1900 г. В 1901 г. произошли первые столкновения между воинами-сенуситами и французскими войсками из Западного Судана. По секретному англо-французскому соглашению, подписанному в марте 1899 г. и отражавшему тогдашние европейские устремления по захвату Африки, Франция распоряжалась на территории Центрального Судана, от озера Чад на западе до границы с Дарфуром на востоке, — района, с незапамятных времен принадлежавшего независимым султанам. В свою очередь, Париж признал британские интересы в египетском Судане. За этим последовало соглашение между Италией и Францией в декабре 1900 г., по которому у Италии были развязаны руки в турецких провинциях Триполитании и Киренаике в обмен на признание французских интересов в независимом марокканском султанате.

Эти соглашения по разделу Африки между европейскими державами были типичными циничными политическими сделками того времени. Они полностью игнорировали права местного населения,

жившего по своим традициям и законам. В Центральном Судане Франция рассматривала сенуситское движение как главное препятствие на этой земле, открыто и фанатично выступавшее против христианского влияния. Это ложное представление было основано на рассказанных путешественниками нескольких гиперболизированных историях, абсолютно не учитывавших мирное и цивилизованное влияние учения сенуситов и приписывавших ордену военный характер и структуру, которыми он не обладал. Спеша достигнуть границ распределенной по договору 1899 г. с Британией территории, французские войска начали продвигаться со своих баз в Южном Алжире и Нигере примерно в то время, когда Мухаммед аль-Махди перебазировал свой религиозный центр в Куру (Судан). Захват завии в Бир Алали, сенуситского центра в Канеме, в 1902 г. и убийство его главы Сиди Мухаммада аль-Барани было большим ударом для сенуситов.

Получив свободу действий в Центральной и Западной Сахаре, Франция приступила к захвату мелких исламских эмиратов, на которые сенуситы распространяли свое влияние. Одновременно правящие круги Англии и Франции официально заявили о своем уважении прав турецкого султана на Триполитанию и Киренаику.

Колонизаторы постепенно расширяли свою агрессию. Продвигаясь из Египта на запад по направлению к Киренаике, Англия укрепилась в оазисах Сива, Бахария и приступила к освоению важного в экономическом и стратегическом отношении оазиса Эс-Саллум. Там ей удалось установить контроль над важными торговыми путями, которые связывали Египет, Триполитанию и Киренаику.

Французские завоеватели стали систематически разрушать сенуситский орден на обширной территории Чада и за его пределами. За недолгие десять лет орден на этой территории был фактически истреблен. Это явилось реализацией французского плана захвата караванных маршрутов из Багирми, Нигера, Канема и Вадаи в Ливию, что в конечном счете вынудило сенуситов отбросить свои прежние разногласия с турками и вместе предстать перед лицом опасности.

Между Стамбулом и Куфрой начались переговоры с целью объединения усилий в борьбе против европейских колонизаторов. Однако сближение между ними проходило медленно, поскольку, как отмечал Эванс-Причард, «турки не верили, что лидеры сенуситского братства испытывают к ним добрые чувства, но в то же время сознавали, что, если возникнет какая-либо опасность, то братство и бедуины Кирена-

ики поддержат турок в войне против любого христианского государства Западу».

Не склонные отречься от своей заветной независимости, сенуситы до последнего времени отказывались принимать турецких представителей в Куфре. Только в 1908 г. они подняли турецкий флаг и провозгласили турецкий суверенитет для своей защиты. Под натиском наступающих французских войск сенуситы утратили свои опорные пункты в Западном Судане. Сами сенуситы не могли официально выступить против Франции; это могла сделать только Порта. В связи с приближением французов к Куфре Ахмеду аш-Шерифу пришлось дать разрешение водрузить турецкий флаг над Куфрой и признать права турецких начальников в оазисах Джагбуб и Куфра, но при условии, что они станут членами братства.

Одновременно турецкие власти старались приблизить к себе Ахмеда аш-Шерифа. За уступки Ахмеду аш-Шерифу была обещана всесторонняя помощь в борьбе против европейских колонизаторов, и в 1910 г. (по предложению губернатора Киренаики Мурада Фуад-бея) ему была установлена ежемесячная субсидия в размере 4 тыс. пиастров и присвоено звание полковника.

Тема 8.3 (семинар).

МАГРИБ И ЕГИПЕТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

План

1. Политическая карта Аравии в конце XIX – начале XX в.
2. Установление господства морских сил Великобритании в Заливе.
3. Решение спорных территориальных проблем между шейхами.

Процесс становления государственности малых государств Залива имел некоторые отличия в рассматриваемых странах, определявшиеся их историей, географическим положением и субъективными факторами, связанными с личностью правителя той или иной страны. Однако в целом он проходил аналогичным образом во всех странах, что подтверждается историческими фактами их новейшей истории. В марте 1892 г. правители указанных стран брали на себя обязательства не заключать соглашений с какой-либо иностранной державой, не принимать представителей иностранных правительств и не продавать, отчуждать или передавать в аренду часть своей территории. Соглашение

стало образцом для подобных же соглашений с правителями соседних стран: Бахрейна, Кувейта и Катара. Великобритания поспешила их заключить для того, чтобы ослабить претензии на особую роль в регионе Залива Османской империи и Ирана, а также воспрепятствовать осуществлению попыток проникнуть в этот регион, проявившихся со стороны Франции и России.

Это соглашение заставило британского политического резидента в Заливе выступать в качестве посредника для решения спорных территориальных проблем между шейхами. Несколько соглашений, которые были заключены Великобританией с правителями стран Договорного Омана, касались борьбы с контрабандой оружием и работорговлей. В частности, в 1902 г. британцы инициировали соглашение, подписанное правителями Дубая, Шарджи, Умм-Эль-Кайвейна, Аджмана и Абу-Даби, о запрете контрабанды оружием. Его претворение в жизнь вызвало недовольство местных жителей, которые традиционно имели винтовки для защиты своих домов и были недовольны англичанами, которые лишали их этого права. Попытки англичан конфисковать оружие встречали сопротивление. Одно из серьезных столкновений на этой почве произошло в Дубае в 1910 г. Там британский офицер стал обыскивать два дома, где, по его сведениям, хранилось оружие. Он проводил обыск, не поставив в известность правителя страны. Произошло столкновение между британскими солдатами и местными жителями. Были убитые и раненые с обеих сторон. Только благодаря вмешательству правителя Дубая удалось его остановить. Британское правительство потребовало от правителя выполнить ряд условий: дать разрешение на создание телеграфа и почты, принять британского офицера в качестве британского агента, выплатить штраф. Правитель Дубая отказался принять британского политического агента и создать у себя телеграф, объяснив свой отказ тем, что такова «воля его народа». У Туманного Альбиона были планы заставить Дубай принять все свои условия силой, так как их беспокоил тот факт, что он стал центром транзита оружия в регионе. Но в 1914 г. англичане ликвидировали склад оружия в Маскате, откуда осуществлялся транзит.

Источники и литература

1. Аль-Фахури Х. История арабской литературы. М., 1961.
2. Дербенев А. С. Становление внешней политики США в Аравийском регионе // Вопросы истории. 2017. № 2. С. 105–125.

3. *Дербенев А. С.* Вашингтон – Эр-Рияд: у истоков дипломатических отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. № 2. С. 107–114.
4. *Наумкин В. В.* Новейшая история арабских стран Африки. М., 1990.
5. *Родригес А. М.* История стран Азии и Африки в Новое время. М., 2008.
6. *Родригес А. М.* Общественная мысль на Востоке в XIX–XX вв.: синтез традиционного и современного. М., 2011.
7. *Родригес А. М.* Реформация и модернизация религиозной и политической идеологии на Востоке (XIX–XX вв.). М., 2012.
8. *Ланда Р. Г.* История арабских стран. М., 2006.
9. *Ланда Р. Г.* Марокко: 30 лет независимости. М., 1985.
10. *Ланда Р. Г.* Страны Магриба: общество и традиции. М., 1988.
11. *Луцкий В. Б.* Новая история арабских стран. М., 1986.
12. *Черновская В. В.* Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1979.

ДОКЛАДЫ, РЕФЕРАТЫ, ЭССЕ

- Арабский Восток и османы в XIX в.
- Развитие экономических отношений в Египте и Алжире в XIX в.: общее и особенное.
- Али Юсуф и возникновение Партии конституционной реформы.
- Правление Мухаммеда Саида-паши.
- Движение махдистов в Судане.
- Экспедиция Китченера.
- Колонизация Северной Африки.
- Арабы в эпоху «зулума».
- Арабы и младотурецкая революция.
- Арабские страны в Первой мировой войне.
- Сенуситы Западного Триполи.
- Роль Мухаммеда Али ас-Сенуси в общественно-политической жизни ливийцев.
- Политика Великобритании в отношении княжеств Аравийского полуострова.
- Германская колониальная политика на Ближнем Востоке.
- Политика французских и итальянских колонизаторов в Алжире и Ливии.

Учебное издание

Родригес-Фернандес Александр Мануэлевич
Дербенев Андрей Сергеевич
Лисицына Наталия Николаевна
Никитюк Владимир Александрович

ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

(Новое время)

Учебно-методическое пособие

Редактор Дубовец В. В.
Оформление обложки Удовенко В. Г.
Компьютерная верстка Дорожкина О. Н., Ковтун М. А.

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования МПГУ
119571, Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446
Тел.: (499) 730-38-61
E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано в печать 15.03.2018. Формат 60х90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Объем 6,0 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 776.

ISBN 978-5-4263-0600-4

9 785426 306004